ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 72 (4197)

Суббота, 18 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

К ИЗОБИЛИЮ РОДИОЙ ЗЕМЛИ!

ВСЕСОЮЗНОЕ совещание специалистов сельского хозяйства завершило свою работу.

Его участники собрались в Большом Кремлевском дворце, чтобы обсудить коренные вопросы дальнейшего развития сельского хозяйства. Успехи тружеников деревни за последние годы общеизвестны, и о них говорили участники совещания. Но вместе с тем говорилось и о том, как велики еще резервы! Вот один из примеров.

Ветеран колхозного строя, председатель артели имени Ленина Чувашской АССР С. К. Коротков в своем выступлении нарисовал яркую картину достижений колхоза. И привел интересное сравнение: в 1959 году колхоз произвел на сто гектаров 126 центнеров мяса и 330 центнеров молока, продав государству только за один этот год молока и мяса больше, чем за все пять лет, предшествовавшие сентябрьскому Пленуму ЦК КПСС 1953 года! А в 1961 году, и это, пожалуй, самое интересное, производство молока в артели возрастет в четыре раза, составив 1 200 центнеров на каждые сто гектаров угодий. Значительно увеличится производство мяса и других продуктов.

Вот как велики еще резервы даже в передовых хозяйствах!

Главный вопрос, обсуждавшийся на совещании, — внедрение научно обоснованной системы ведения хозяйства. Именно в этом — залог дальнейшего развития производительных сил советской деревни.

Совещанию в Кремле предшествовала большая творческая работа на местах. Более четырех тысяч специалистов, ученых и практиков, приняли участие в разработке обоснованных систем ведения хозяйства применительно к каждой из 39 сельскохозяйственных зон страны.

Прения по докладу министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича, начатые в Кремле со второй половины дня 15 июня, были перенесены в Тимирязевскую академию, в павильоны ВДНХ, в залы министерства, где работали 18 зональных и отраслевых секций. На секционных заседаниях разрабатывались конкретные рекомендации по специализации производства, по внедрению наиболее прогрессивных приемов ведения земледелия и животноводства для каждой зоны. В частности, на секции Западной Сибири, Урала и северных областей Казахстана единодушно одобрена для внедрения в производство некоторых районов система обработки почвы и посевов, разработанная колхозным ученым Т. С. Мальцевым.

Но разработка рекомендаций, подчеркивали участники совещания, лишь начало. Главное впереди — в творческом осуществлении этих рекомендаций. И в этом большом деле трудно переоценить роль специалистов сельского хозяйства — агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, инженеров. Вот почему на совещании так много говорилось о необходимости поднять роль специалистов, повысить их ответственность за осуществление прогресса во всех отраслях сельского хозяйства.

ГОВОРЯТ ЧИТАТЕЛИ...

НА ДНЯХ состоялись читательские конференции «Литературной газеты» в Пензенской области — городах Пензе и Белинском. С докладами о работе «Литературной газеты» и ее планах выступил член редакционной коллегии газеты Георгий Гулна.

Наши читатели, отмечая большой интерес советской интеллигенции к «Литературной газете», высказали ряд критических замечаний и пожеланий. Врач А. Душин из города Белинского советовал больше внимания уделять жизни районов, особенно глубинных, ставить вопросы их развития, освещать культурную жизнь, имея в виду не только ближайшую, но и более отдаленную перспективу. Слесарь Пензенского велозавода М. Тимошин рекомендовал больше места в газете уделять вопросам литературным.

Декан филологического факультета Пензенского педагогического института Л. Кирилюк обратила внимание на то, что газета мало занимается библиографией. Много, очень много книг, достойных быть положительно отмеченными, остаются вне поля зрения газеты. О том же говорили сотрудница библиотеки имени В. Г. Белинского М. Ключевская (гор. Белинский), И. Волкова, сотрудница библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (Пенза).

Писатель В. Садовский (Пенза) указал на то, что некоторые дискуссии на страницах газеты как бы «уходят в песок». Директор Дома-музея В. Г. Белинского П. Максяшев (гор. Белинский) рекомендовал в связи с предстоящим 150-летием со дня рождения В. Г. Белинского больше писать о замечательных трудах и идеях великого критика-мыслителя.

В читательских конференциях приняли участие заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Пензенского обкома партии И. Бычков, руководитель писательской организации Пензенской области Н. Катков, заведующий отделом пропаганды и агитации Белинского райкома партии В. Старостин.

На конференциях с чтением своих произведений выступили поэты К. Ваншенкин, Е. Винокуров, М. Львов, Б. Окуджава (Москва), А. Карасев (Пенза).

***

В селе Лермонтово (быв. Тарханы) и в Пензенской библиотеке имени М. Ю. Лермонтова также состоялись беседы писательской бригады «Литературной газеты» с читателями газеты.

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

МОГИЛЕВ **Знаменательным событием в общественной жизни Могилева явилось создание здесь отделения Союза писателей. На Могилевщине живут и плодотворно трудятся семь членов Союза писателей. Авторами нескольких книг являются сотрудники областной газеты поэты А. Пысин и В. Матеушев. Хорошо известны белорусскому читателю прозаические произведения могилевских писателей П. Шестерикова, Н. Герасимова и А. Иванова. Регулярно выступают в печати критики Л. Усиков и А. Макаревич.**

За последние годы в Могилеве вышли два литературных альманаха и два коллективных поэтических сборника.

БАКУ **В Азербайджане с успехом проходит месячник армянской книги. В Баку, Кировабаде, Нахичевани и в других городах республики открыты книжные базары. Здесь можно приобрести книги по всем отраслям знаний, произведения художественной литературы на армянском, азербайджанском и русском языках. Во время месячника состоятся литературные конференции.**

(Наш корр.)

О ПИЩЕ ДУХОВНОЙ, КАК ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ...

ЛЕТ двадцать тому назад было это. Со старым медлительным старателем — так называли у нас золотоискателей — мы сидели на берегу быстротечной зауральской речки. Он мне, молодому поэту, поведал тайну своего ремесла. «Золото, что в земле, — начал он, — оно еще не золото. Его нет, коли пока я не нашел. Но я хорошо знаю, что найду его, и тогда оно станет золотом. Это еще присказка, — продолжал старатель, — а сказка в другом. Золотая жила в земле, что твое поваленное дерево, имеет свой ствол и свои ветви. Только листьев нет. Попал на одну из ветвей, по ней ты и идешь. Но тебе неведомо, куда она ведет. Если к стволу — тогда удача. Ошибся направлением — досада горькая. Кротом бестолковым ругаешь себя. Вот так. — Старик впервые посмотрел мне в глаза. — За рисковое дело взялся, сын. Но тайна твоих удач не под землей. Глазами души гляди на мир. Тебе лучше будет видно...»

Это золотое дерево навсегда осталось у меня в памяти. Мудрый старатель рассказал о нем мне в назидание. Мне казалось, что оно касается лишь моего ремесла, и с тех пор о каждой строке, написанной мною, тревожно думаю: куда она выведет меня?

Когда я прочел в «Литературной газете» клич «Прекрасное — всем!», я несколько по-другому увидел то золотое дерево прекрасного. Столетиями миллионов людей касалось оно лишь ветками. До ствола его дотягивались немногие.

Наступило благодатнейшее из времен. По бесконечным ветвям *того* дерева все люди огромной страны тянутся к его могучему стволу — к большому искусству, наслаждаясь им и обогащая его. Искусство из таких сокровищ — чем больше раздаешь его людям, тем богаче оно становится.

„Золотое дерево“

Мустай КАРИМ

Первое, что увидели мы на янаульской земле, была ретрансляционная телевизионная вышка. Она заняла господствующую высоту на вершине ничем раньше не примечательного Сакаттау. А теперь человеческий взор не может пройти мимо него. Он заставляет собою любоваться и будто издалека говорит: «Вот такие дела в Янауле...»

Писателей часто приглашают в районы на вечерние университеты культуры проводить занятия. На этот раз мы также думали, что вечером выступим, а утром уедем обратно. Но мы не смогли уехать и на утро, и на следующий день. Не дожди нам помешали, которые шли почти беспрерывно. Этому были другие причины.

В райкоме партии рассказали, какой большой интерес вызвал университет культуры, что на его занятия люди едут даже из отдаленных колхозов. Да и директор его не живет в районном центре. Университетом руководит председатель крупного колхоза имени Чапаева Хаммат Усманов. Этот собранный, энергичный человек, корнями ушедший в землю, хорошо знает, что для роста даже малого стебелька нужна не только влажная почва, но и теплый свет солнца; а для роста людей — тем более.

— Если бы десять лет назад, — рассказывает секретарь райкома партии по пропаганде Фаузия Ямалетдинова, — мы заговорили об открытии университета культуры на селе, то многие нас засмеяли бы: хватили, мол, лишнее. А теперь это стало потребностью людей. Вот чем, например, интересуются наши земляки. — Она показала перечень тем занятий. Там мы читали: «Прекрасное в жизни и искусстве», «Человек и космос», «Искусство и техника кино», «Как понимать музыку», «Научись понимать живопись» и ряд тем по литературе. С лекциями выступают представители местной интеллигенции, лекторы и творческие работники из Уфы, даже из Москвы. Нам рассказали о любопытном факте. После занятия, посвященного живописи, в районе поднялся форменный «бунт» против тех наводнивших страну ковриков с намалеванными лебедями и им подобных «изящных вещей».

К вечеру успокоился дождь. Мы забеспокоились. Будут ли люди? Янаул пока не славится своими асфальтированными тротуарами. К нашему удивлению, к началу занятий зал районного Дома культуры был переполнен. Люди стояли в проходах. Разговор о башкирской литературе затянулся до поздней ночи. Многочисленные вопросы касались не только башкирской литературы и не только литературы вообще.

Перед тем, как собрались уходить, Ямалетдинова протянула мне пригласительный билет: «Просим вас завтра на премьеру вашей пьесы». Я знал, что в Янаульском народном театре готовится «Похищение девушки». Что премьера именно завтра, это было для меня приятной неожиданностью.

Этот театр еще молодой. Он возник всего полгода назад и подготовил только третью премьеру. Но он уже превратился в хороший, дружный творческий коллектив. В нем можно встретить бухгалтера и грузчика, воспитательницу детского сада и агронома, работника районного Дома культуры и часового мастера. Помочь на первых порах народному театру приехал из Уфы заслуженный артист Башкирии Махмуд Хабибуллин. О себе он, улыбаясь, говорит: «Был заслуженным и стал сразу народным артистом». Театр создан желанием и трудом большой группы талантливых людей. Среди них есть яркие фигуры, как великолепный актер, тонкий художник-декоратор Ясауи, он же осветитель, столяр и плотник театра. Ясауи — это имя. И никто не называет его по фамилии. Если там, в Янауле, кого-то хотят похвалить, то говорят: «На все руки мастер, как Ясауи».

Во второй дождливый вечер янаульчане, переполнив тот же Дом культуры, смотрели спектакль народного театра. Так несколько дней подряд.

На следующий день нам посоветовали поехать в аул Ямады, в тридцати километрах от райцентра, на концерт самодеятельного струнного оркестра. Им руководит другой «Ясауи» — заслуженный учитель РСФСР Якуп Зарипов. Учитель биологии Зарипов в районе давно известен как садовод и овощевод. Он выводит новые сорта, местные гибриды, их распространяет по колхозам. Несколько лет назад в голову этого немолодого человека пришла дерзкая мысль выучить музыкальную грамоту, и выучил. Потом он создал музыкальный класс из одаренных детей, десятки ребят научил играть по нотам на струнных инструментах. В третий дождливый вечер мы слушали хороший концерт из башкирских, русских и татарских мелодий в ауле Ямады.

(Окончание на 2-й стр.)

СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ КЛУБ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Читайте 4-ю страницу

Анатолий ПРИСТАВКИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

БРАТСКИЕ БЫЛИ

ГЕРОИКА

РАБОТНИК многотиражки пришел в котлован в бригаду бетонщиков. Нашел звеньевого Приходько.

— Мне бы что-нибудь... — Он хотел сказать «что-нибудь выдающееся», но не успел. Того позвали. Испортился перфоратор. Приходько снял верхонки, начал возиться с инструментом. Иногда совал озябшие пальцы в карман. Скоро перфоратор снова затрещал.

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

Звеньевого опять позвали, — плохо держался опалубочный щит на самом верху. Приходько ловко полез под самое перекрытие, цепляясь за арматуру, с трудом закрыл щит. Потом спустился и, вытирая пот, сказал:

— Вы извините... Так что вас интересует?

Но разговора снова не получилось. В блок спустился злой чумазый парень и сказал, что наружный болт затягивается, сорвалась резьба. Приходько взял ключ и сказал: «Я сам». Привязав ремень, он повис на большой высоте. Далеко внизу проливалась из-подо льда в узкий проран черная, расплавленная, тяжелая, как чугун, Ангара. Битый час проболтался Приходько на морозном ветру. Спустился и стряхнул с одежды ледок. Но день был горячий, и он куда-то бегал насчет подачи воздуха, что-то передвигал и только перед самым перерывом подошел к гостю.

— Очень прошу извинить. Прямо некогда. Теперь слушаю.

— Мне бы что-нибудь выдающееся, — сказал тот. — Ну, какой-нибудь факт такой героический, что ли... Геронка нам нужна.

Звеньевой задумался, вытирая черные поморожденные и потрескавшиеся пальцы, сказал извиняющимся тоном.

— Да, честное слово, не знаю уж что... У нас как-то без героики, обыкновенно все... Может, в соседней бригаде посмотреть?

Газетчик засунул блокноты в карман, стал собираться.

— Что в соседней... В соседней, как и у вас! Вот так всегда. Ну, я пошел.

БЕРЕЗОНЬКА

От Братска к Заярску дорога частью идет по Ангаре, и лед на дороге зеленый, порезанный тракторами. Потом выезжаем в поле, но оно не обыкновенное, это поле — громадное пространство до горизонта в черных пеньках. Словно на белый вагман набрызгали миллион клякс. Значит, и здесь будет Братское море.

Машина наша едет и едет. И все пеньки да пеньки. Эдакие черные тараканы повылезали на белоснежье. Глаз быстро устает от такой ряби. И тогда все кажется то сплошь белым, то черным. И вдруг среди этого неживого пространства березка. Тонкая и тихая.

Милая ты моя! Как же ты сохранилась здесь, среди снегов? Как же тебя не спилили, не порубали и не сожгли?

Одна,—непонятно, чудно, — среди горелых пней стоит, прозрачная, белее белых снегов, что вокруг нее. И я уже фантазирую и готов сочинить какую-то новую сказку... Но шофер рядом говорит:

— Знаю я, отчего она здесь. Все очень просто. Красота — вот вам и причина.

И я узнаю.

Пилила здесь лес бригада леспромхоза, что котлован под будущее море очищает. Вон сколько поснесли, и ничего, а здесь наши бородачи что-то спасовали. Поглядели. Березка. Вздохнули. Потому что многие-то с запада понаехали, от этих березок. И чего-то так начали они пилить, что минули ее, не сговариваясь, и пошли дальше. Мол, хоть не мы, — сучкорубы все равно прикончат. А там половина баб, усталых, крикливых и в штанах. Наткнулись, постояли, почему-то примолкли. Потом по-хозяйски ветки от ствола отгребли, чтобы весною солнце до корней достало. И двинулись дальше, только минуту постояли. Индевелые, платок поверх шапки по глаза увязан. Да ватники. А березка — словно небо сеет сквозь себя. Удивительная красота! Да ведь будут трактора лес возить, все равно сомнут.

Трелевочный трактор узколоб, два глаза равнодушно вперед глядят. Тракторист черен от соляры да мороза. От холода на лицо словно густая сетка легла. Или паутина тонкая прилипла. Так всегда на холоде, а как в тепло зайдешь, все исчезает. Посмотрел тракторист на березку и сощурился, словно его встречною машиной ослепило. И удивился и сказал вдруг: «Ох, ты, доченька!». А трактор в это время изгиб на дороге сделал. Посмотрел он назад: идут следом другие машины по его изгибу, вот наделал дел. И березка стоит, боже мой, до чего ж она приятная, береза эта. Жаль, но остатки будут жечь, спалят. Точно. А тут девчонки песни заорали. Дымище кругом. По лицу у них сажа. Посмотрели: березка стоит. Развели огни подальше. Посидели. Посмотрели. Дым да грязный снег за спиной. А тут березка стоит. Удивительно. Отогрелись, пошли дальше. Опять оглянулись. Вот и вся история.

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Местный самодеятельный художник Красненко принес редактору Кувалдину рисунок. Черные стрелы кранов, котлован и над всем этим громадная эстакада.

— Вот, посмотрите, может, для многотиражки подойдет? Позавчера только рисовал с натуры. Все пальцы поморозил, пока сидел на Ангаре...

Кувалдин рисунок одобрил. Велел только облака с неба убрать и, передавая рисунок, добавил:

— Да, и вот что. У вас здесь шесть опор? Опоздали. Наши монтажники седьмую поставили. Просто молодцы! Стометровая высота, железо промерзло насквозь, не только люди... А вы говорите — пальцы.

Через неделю Красненко снова зашел в редакцию.

— Готово. Облака я затушевал, и опора у меня седьмая готова.

Кувалдин вернул рисунок обратно и вздохнул:

— Вы когда были в котловане-то?

— В тот же день,— сказал художник. — А что?

— Сегодня не ходили? Восьмую опору, дружок, делают. Вот статью о них даем. Я ходил смотреть. Мороз в котловане на три-четыре градуса выше, чем здесь, представляете, от Падуна по коридору ледяной туман гонит, на эстакаде не вздохнуть на полную — воздух тяжелее льда. Словно весь окаменел. А они-то, смотрите, как...

Кувалдин отложил статью, попросил:

— Вы уж, пожалуйста, дорисуйте. Очень, понимаете, важно нам отразить эту восьмую опору.

Красненко пошел на Пурсей. Постоял. Котлован был окутан паром, а многочисленные горевшие внизу костры казались фиолетового цвета. Громадная эстакада нечетко проектировалась сквозь морозное облако.

Через несколько дней он опять принес рисунок. Он нарисовал восьмую и не существовавшую еще девятую опору. Он впервые пошел, как ему казалось, против правды и от этой дерзости был смущен и тих. Кувалдин долго разглядывал рисунок, и Красненко успел несколько раз выругать себя. И Кувалдин действительно сказал:

— Плохо. Просто не знаю, что и сказать! Вот заметка о бригаде Виктора Покорного: двадцать часов ребята провисели на поясах, скрепляя конструкции! Мороз был выше сорока, и механизмы включать не разрешили: сталь лопается! Понимаете, сталь лопается, а люди работают... И ничего.

— Почему же плохо, я ведь девятую для запаса нарисовал...

Кувалдин сказал, отдавая рисунок:

— Хорош запас! Да, милый мой, монтажники к десятой опоре приступили... Придется дорисовать, вы уж, пожалуйста, отразите. Мы эту героическую опору должны непременно отразить.

ГОРЕВШИЕ

В промороженном, белом и плотном, как бетон, воздухе котлована кричало радио: «Внимание всем работникам УСОСа. На бетонном заводе в результате несчастного случая сильно обварился рабочий. Пострадавшему срочно необходимо вливание крови. Людей, имевших когда-либо большие ожоги, просят дать кровь своему товарищу. Адрес: правый берег, больница...»

Голос из радио словно повисал на морозе, словно останавливался. И его можно было слышать еще через минуту после сказанного. А может, это онемевшее сознание пробовало не доверять слуху. Неожиданное несчастье всегда неправдоподобно.

В маленькую прихожую больницы прибывали усталые, озабоченные люди. Чернолицые ребята с бетонки, бурильщики из котлована, быстрые девушки из УГЭ.

— Следующий, — врач сам открывал дверь и бесстрастно разглядывал сидевших. — Варя, запишите, сорок четвертый. Вы сдаете кровь?

— Кровь, — сказал в себя парень.

— Когда обжигались, какие ожоги?

— Вот тут, палец.

— Какой палец? Вы что, серьезно?

— Да, утюгом обжигал палец, — монотонно и тихо бормотал парень, косясь на сестру.

— Уходите.

Врач хлопнул дверью, и ожидавшие люди замолчали, разглядывая его.

— Товарищи, не имевшие серьезных ожогов, не ждите. Поймите, от негоревших не нужна помощь. Прошу всех лишних выйти. Следующий! У вас что?

— Кровь сдать.

— Я спрашиваю, когда и чем обжигались?

— Вот тут вот пятнышко... Честное слово, посмотрите, видите, пятнышко...

Люди все подходили и молча рассаживались. И им было ясно, что негоревших среди них просто быть не могло.

СОСНЫ В РОЩЕ

Над Братском шумят сосны. Стремительные, великанистые, они держат на своей мускулистой кроне холодное северное небо. Их много в деревянном поселке, черноподошвенных, словно наполненных золотым солнцем стволов.

И все они — один около одного. Целые рощицы.

Кое-где растут и одинокие деревья. И как будто они более заметны. Но когда на Ангару, туда, где бьются со стихией тысячи ребят и девушек, обрушится буря, и черное небо обвалится на дома, и загремит сорванное с крыш железо, падают одинокие сосны, сотрясая землю и разрывая электрические провода. А рощица стоит!

Не выдерживают здесь одиночки. Буря ломает их.

А все очень просто. Корни деревьев залегают здесь мелко, уже крепкий ветер способен вырвать и повалить даже сильное дерево, если оно одно. Но когда сосны рядом, они

Рисунки Н. Захаржевского

держатся друг за друга, потому что корни их накрепко сплетены, надежные дружьи руки. И буря им не страшна.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

ВРЕМЯ полной и всесторонней оценки исторических событий, развертывающихся в Японии, еще не наступило. Никто сейчас не может предсказать всех глубоких и многообразных последствий, которые эти события неизбежно будут иметь для самой Японии и для судеб мира.

Мы присутствуем при начале исторической драмы, главное действующее лицо которой — народ. Еще сидит в своей резиденции за частоколом полицейских штыков ставленник американских и японских фабрикантов оружия — Киси. Еще не аннулирован американо-японский «пакт безопасности» — сговор о превращении Японских островов в ракетные площадки Пентагона. Японскую землю еще топчут сапоги американских оккупантов. Но японские патриоты уже одержали **первую большую победу:** они не пустили на порог своего дома незваного заокеанского гостя, доказав тем самым, что кучка растленных торговцев национальными интересами не властна над ними.

Американский империализм потерпел сокрушительное поражение. Сказав «нет» Эйзенхауэру, японские патриоты сказали «нет» авантюристической политике Вашингтона.

«Дипломатическая катастрофа» — так, по словам американского журналиста Джона Хайтауэра, официальный Вашингтон воспринял известие об отмене визита Эйзенхауэра в Японию. «Это событие, а также вызвавшие его силы, — заявляет Хайтауэр, — угрожают будущему американо-японского союза. Таким образом, поставлен под угрозу северный якорь системы союзной безопасности на Дальнем Востоке... Удар по престижу президента и по положению Соединенных Штатов очевиден». Хайтауэр предсказывает «дальнейшее уменьшение доверия союзников к суждениям и руководящей роли Вашингтона».

Анализируя настойчивую попытку Эйзенхауэра во что бы то ни стало «проникнуть» в разгневанную Японию, американский журналист Карлтон Билс пишет: «Это признак общего развала позиций Соединенных Штатов в Азии, который уже предвещали события в Корее, во Вьетнаме и в Камбодже».

Победа досталась японским патриотам дорогой ценой. Клика Киси подняла руку на свой народ. Пролилась кровь сотен людей. Но их пример воодушевляет массы на еще более смелую и героическую борьбу. Отныне движение протеста против военного союза с Вашингтоном вступило в новую фазу. Правительство Киси уже не довольствуется массовыми арестами, а намеревается прибегнуть к услугам армии. И все же сопротивление японского народа нарастает.

Правители Вашингтона и Токио, прибегая к приемам Гитлера и Тодзио, пытаются свалить все дело «на международный коммунизм». Однако даже Хайтауэр признает: «Возмущение договором и Эйзенхауэром в Японии создано не коммунистами».

Только люди, окончательно утратившие чувство реальности, могут в этих условиях продолжать «политику силы». Сообщения из Вашингтона говорят о том, что американские политические банкроты вопреки всему пытаются надеть хомут военного договора на шею японскому народу.

Всякому здравомыслящему ясно: прошли времена, когда империалисты могли обращаться с народом, как с бессловесным быдлом. Договоры, союзы — когда-то все это относилось к непостижимой для миллионов простых людей, да и мало их волновавшей сфере «дипломатии». Борьба миллионов японцев против навязываемого им союза с Вашингтоном говорит о политическом возмужании народов.

М. МАРКОВ

ТАК КОНЧАЕТСЯ КАРЬЕРА ОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ...

За четыре дня до отмены поездки Эйзенхауэра в Японию художник Кёлер из западногерманской газеты «Нюрнбергер нахрихтен» нарисовал эту карикатуру. На ней изображен Эйзенхауэр, собирающийся сесть на кресло с надписью «Визит в Японию»; рядом два развалившихся кресла: «Совещание в верхах», «Визит в Россию». Эйзенхауэр в смятении: «Неужели и это развалится?»

Да, и это развалилось...

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...

Ярко светит, нуролесит над землей, шутит, смеется веселое и щедрое июньское солнце! Это оно в жаркий полдень упрятало молодых людей в прохладной тени у студеного колодца. И, конечно, это оно, доброе солнце, помогло сейчас парню найти те самые главные, самые чистые слова, которые так взволновали и смутили подругу... Фото читателя М. Клюева

ПРЕМИЮ — НА ШКОЛУ!

Это было нынешней весной. Михаил Шолохов получил письмо от своих земляков — жителей станицы Каргинской, в котором они просили своего депутата Верховного Совета СССР оказать содействие в строительстве новой школы. С Каргинской биография писателя связана очень тесно: здесь он некогда учился в церковно-приходской школе, здесь написал «Донские рассказы».

И вот теперь Михаил Шолохов целиком отдал для школы в Каргинской полученную им недавно Ленинскую премию.

Вчера в беседе с нашим корреспондентом секретарь Вешенского райкома партии Петр Васильевич Сердюк рассказал:

— Это решение замечательного писателя современности сильно взволновало каргинцев, они пригласили знатного земляка к себе. В прошлую субботу мы поехали с Михаилом Александровичем в станицу. У меня не хватает слов, чтобы описать, как тепло встретили станичники писателя. У школы старшеклассники вручили Михаилу Александровичу хлеб-соль и букеты цветов с символическим бессмертником.

Тут же, во дворе школы, состоялся митинг, на который собралась вся станица. Первым взял слово секретарь Боковского райкома партии П. И. Маяцкий, потом выступили директор школы В. Фирсов, ученики Г. Каргин и Ю. Карпова. Все они произнесли очень хорошие, из самого сердца идущие слова о своем земляке-писателе.

В ответной речи Михаил Александрович сказал:

— Дорогие станичники, друзья! Я как-то не привык говорить по написанному. Разрешите говорить так, просто, что мне подсказывает сейчас сердце. Благодарю вас за теплые слова и пожелания. Много я исходил по дорогам войны, много ездил по разным странам, но никогда не забывал о вас, земляки, всегда помнил о наших родных краях.

То, что полученную мною Ленинскую премию я целиком отдаю на строительство новой школы в станице Каргинской,—не такое уж большое событие. Сталинскую премию я отдал на оборону страны в годы Великой Отечественной войны. А теперь, когда каргинцы обратились с просьбой помочь им в строительстве средней школы, мне радостно было пойти на это дело. Это мне подсказала моя партийная совесть. Сердечно благодарю вас за приглашение в станицу Каргинскую, которая так близка моему сердцу.

Радостно видеть и сознавать, что наша родная Коммунистическая партия, наше родное правительство такое большое внимание уделяют мирному строительству. Если надо будет дать отпор врагу, то дадим правильно, как это было над Свердловском, куда американский крылатый шпион залетел, а потом на землю полетел.

Мы крепим и будем крепить дело мира. Надо и вам в этом году — второму году семилетки — еще лучше потрудиться, больше дать нашей любимой Родине продуктов сельского хозяйства.

Еще раз хочу сказать вам, дорогие станичники, что я не забываю о вас, часто вспоминаю, как поется в старинной песне:

О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.

Благодарю вас за эту сердечную встречу.

...Митинг окончился, но каргинцы долго еще не отпускали своего дорогого земляка, задушевно беседуя с ним. Лишь поздно вечером М. А. Шолохов, тепло напутствуемый каргинцами, уехал домой.

„Золотое дерево"

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ЖАВОРОНОК ЗАПЕЛ

Я рассказал о трех деревенских вечерах, породивших в нас немало радостных дум. Тяга к искусству, к прекрасному и возвышенному давно живет в нашем народе. Примечательно теперь другое — рождается новый высокий порыв масс к участию в создании прекрасного, у людей родилось желание не только наслаждаться великолепием того золотого дерева, но принести ему в дар сокровища и своей души. Потому что человек чем больше творит, чем больше отдает творимое, тем богаче становится.

За все три дня мы не слышали: «Дайте нам то, дайте это»,— хотя пока нужды большие. «Больше мы ничего не просим, помогите только специалистами», — говорят в Янауле. А ведь в стране таких Янаулов десятки тысяч. Самый могучий дуб безмолвствует, если нет хотя бы легкого дуновения ветра. Чтоб зашевелилось и запело золотое дерево народных талантов, нужно прикосновение ветра. Таким ветром могли бы стать люди, знающие и любящие искусство, посвятившие себя благородному делу служения ему.

В свое время, когда, например, в сельском хозяйстве не хватало специалистов, было организовано огромное количество специальных школ и долгосрочных курсов. Быть может, аналогия не совсем уместная. Но всем очевидно, что село просит, село требует теперь специалистов по искусству. Задачи подготовки режиссеров для народных театров, руководителей народных оркестров, хоров и танцевальных коллективов, руководителей сельских изостудий, учителей по музыке и рисованию приобретают общегосударственный размах. Поющему народу нужны запевалы, бесчисленным народным оркестрам нужны капельмейстеры. Настала пора открывать новые школы для подготовки таких специалистов по искусству для села.

Ясачи и Зариповы, конечно, везде есть. Но им нужны опора и помощь. Конечно, учреждениями искусства и творческими союзами селу оказывается шефская помощь. Это скорее всего сочувствие, нежели помощь. Ветер, который дует редкими порывами, не крутит мельницу. Он должен дуть постоянно и с нарастающей силой.

Солнечным утром мы выехали из Янаула. Зеленый мир был тих и светел. В небе запел жаворонок. Вдруг над жаворонком, оставляя белую полосу, пронесся реактивный самолет. Он на какое-то мгновение заглушил песню жаворонка. Неизвестно, перестала ли петь эта птичка, когда над ней пролетел ее стальной собрат, но как только умолк гул мотора, мы тотчас же услышали ее голос. Жаворонок висел на том же месте и звенел по-прежнему. И как-то думалось: жизнь сильна и прекрасна не только могучими стальными птицами, но и нежным звонким жаворонком.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Малышев Н. Встретимся на Ольчане. Стихи. Якутгиздат. 40 стр. 3 000 экз. 85 коп.

Мелешин С. Молния в черемухе. Свердловское книжное издательство. 66 стр. (Библиотечка одного рассказа). 15 000 экз. 80 коп.

Рыбин А. Офицеры. Роман. Оренбургское книжное издательство. 466 стр. 30 000 экз. 8 руб. 70 коп.

Соколов В. Родники счастья. Стихи. Костромское книжное издательство. 63 стр. 2 000 экз. 70 коп.

Старинов В. Избранное. (Предисловие Е. Пермяка). Свердловское книжное издательство. 320 стр. 15 000 экз. 7 руб. 10 коп.

Удалов И. Родник. Очерки и рассказы. Владимирское книжное издательство. 88 стр. 5 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Леонид ЛИХОДЕЕВ

ФЕЛЬЕТОН

Долговые чувства

Боец пожарной охраны товарищ Костенко со Ставрополыцины купил репродукцию картины фламандского художника Рубенса «Несс и Деянира». Он поместил ее в рамочку и принес на место службы с целью украсить стенку.

Конечно, ничего противопожарного в этой картине старик Рубенс не отразил. Он, наоборот, изобразил обнаженную Деяниру, которая ведет свои мифологические переговоры с Нессом. Может быть, если бы товарищ Костенко повесил картину, рассказывающую о том, как Гулливер тушил пожар в Лилипутии, было бы лучше. Удивились бы, сколько человек может выпить, и дело с концом.

Но такой картины нет. И товарищ Костенко пострадал. Он пострадал потому, что был эстетом.

«Что вы думаете, — пишет он в редакцию, — как эту картину охарактеризовали? Будто бы я унизил достоинство советской женщины... Жеребец смотрит на наших жен. И что эта картина совсем не советская, а антисоветская, и записали мне в протокол антисоветский выпад».

Надо сказать, жеребцы отнеслись к репродукции равнодушно. Деянира не вызвала у них эмоций, а Несс — зависти. Это могло показаться удивительным потому, что Несс все-таки был кентавром. Но великий художник изобразил женщину с такой чистотой и так возвышенно, что его, вероятно, поняли даже лошади.

Зато возмутилось начальство товарища Костенки.

Товарищ Костенко — человек средних лет с начальным образованием. Он никогда не был ни в Эрмитаже, ни в Лувре. Он работает пожарным и умеет складывать печи, крыть крыши и делать оконные переплеты. Он своими руками построил то самое помещение, в котором ему суждено было совершить нехороший выпад.

Начальство сурово отнеслось к фламандской школе живописи.

— Что это еще за голая баба в служебном помещении? — спросило оно. — Дома развешивай развратные картины!

Конечно. Рубенсу не обязательно висеть в служебном помещении. Но дело ведь не в этом, дорогой читатель...

Рубенс молчал. Влияние фламандской школы на формирование вкуса пожарных прекратилось.

Товарищ Костенко — человек дисциплинированный. Он не ослушался. Дома он действительно развешивает «развратные картины». Он развешивает развратные картины Рембрандта и Рафаэля, Веласкеса и Репина, Серова и Васнецова. Развратные картины Тициана он развешивает тоже. И надо отметить, что среди этого беспорядочного, но, несомненно, ценного собрания репродукций нет ни одного ядовитого лебедя, ни одного белого парохода под ресторанной пальмой, ни одного голубка с конвертом в клюве — хороший вкус можно воспитать в себе и с низшим образованием. Это — дело индивидуальное и зависит только от чистоты взглядов...

Во всяком случае в эту галерею можно водить местных школьников и даже самого начальника в полной пожарной форме.

За стеною живет мать товарища Костенки. Там тоже галерея. Там — иконостасы. Там — тщательно упрятанные в ризы, в клобуки, в хламиды, в бороды синие, тощие, бесперспективные фигуры святых. Там поучительно и однообразно приказывают каяться и отдавать богу душу мироносицы и угодники. Там из жестяных окладов костяные старцы шипят на красоту запалыми старческими ртами и святые старухи выжигают коричневыми глазами из молодой груди любовь.

Товарищ Костенко уважает мать. Но он не уважает религию. На его половине собирается все, что делалось людьми для жизни, на половине матери — все, что делалось людьми против жизни.

Так вот ровно посередке между этими двумя непримиримыми, взаимоисключающими галереями стоят наши железобетонные великопостники и сторожат нравственность.

Я не знаю, расходится ли слово с делом у святого. Но ханжество наших великопостников известно даже святым.

У мещанина очень точное, утилитарное отношение к вещам. Вещи — либо ценность, либо предмет конкретного назначения. Никаких эстетических функций вещи не несут. Может быть, для товарища Костенко двухрублевая репродукция с нарисованной женщиной дороже всего начальника вместе с его воззрениями и путовицами. Но для мещанина нарисованная женщина не существует. Для него и живая имеет одно утилитарное назначение, и плевать ему на искусство с высокой каланчи.

Для него Афродита — только голая баба, а любовь — только незаконная связь.

Сам-то он в этих делах гораздо проворнее Шекспира и уж. конечно, считает дураком Павку Корчагина за эпизод с Христиной.

Для него красивая женщина — обязательно стерва, а парень, пришедший в гости к дочери, — обязательно жених. Он не знает никаких взаимоотношений, кроме тех, которые он знает. И смотрит на жизнь, как ему «подручнее.

Весь комплекс его эстетики заключается в том, чтобы его не объегорили при помощи различных романтических «бредней». Он велит выкинуть на чердак «Вирсавию», чтоб не стесняться. Но он не постесняется влезть со своими идиотскими поучениями в чью-нибудь интимную жизнь.

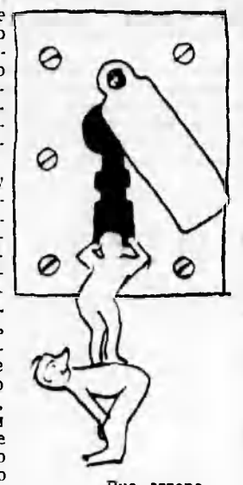

Рис. автора

Вот поэтому его так раздражает эта интимная жизнь, описанная каким-нибудь большим художником. Он не может простить влюбленным того, что они не просили его благословения, не выслушали наставлений, не изучили его эстетическо-г о комплекса и не умерли с тоски прежде, чем он разрешит им приложиться друг к другу губами.

Я вынужден привести здесь письмо одного львовского читателя. Он пишет:

«Мне хотелось бы спросить Ст. Бенедиктова: дал бы он прочитать стихотворение «Ночлег в пути», которое, как он пишет, оставляет в душе ощущение поэзии и чистоты, своей 15— 16- и даже 20-летней незамужней дочери? Особенно сейчас, когда на страницах газет ведется борьба за настоящую любовь, против внебрачных случайных связей. Между прочим, я не ручаюсь, что это стихотворение было опубликовано при жизни автора, а у нас оно до сего времени не было опубликовано, пока не раскопал его С. Маршак.

А такие, как Бенедиктов, к сожалению, действительно не одиноки. 19 мая с. г. в «Литературной газете» выступил Сергей Львов с «Венерой в Дегтярске», который старается заполнить все школы этими скульптурами. И странно, что все учителя не смогли дать отповедь одному Львову. Нужно было бы преподнести эту Венеру лично Львову, чтоб он поставил ее в своей квартире, и дело с концом. У нас есть хорошие скульптуры Мухиной, Вучетича и других товарищей, вот с них и надо брать пример...»

Я представляю себе, как автор этого письма сделал уже вывод, что я защищаю безнравственность.

Я не защищаю безнравственность. Я даже против безнравственности. Но одним законным браком бороться с безнравственностью нельзя. Законный брак никогда не исключал безнравственности. Более того, иногда (насчитывается несколько таких случаев) законный брак прикрывал безнравственность. И ни Рубенс, ни Бернс, ни даже ужасный Ги де Мопассан здесь ни при чем. Наоборот, они изо всех своих сил старались втолковать людям, что любовь начинается с любви, красота — с красоты, чувство — с чувства... Но они совершенно не виноваты, что среди людей находились такие лица, которые опасались, как бы их не объегорили... Эти лица хотят, чтобы был один «законный» скульптор, один «законный» писатель и один «законный» художник. При этом положении их невежество автоматически взлетит на недосягаемую вершину культуры, а их пошлость засверкает алмазами высшей эстетики.

Один хороший мальчик как-то разоткровенничался со мной и, безумно стыдясь, рассказал, как его отец, отпуская «в люди», строго наказывал лет до двадцати пяти ни с кем «не расписываться».

— Так — гуляй, а законным браком не надо...

Мальчик нутром чувствовал мерзость отеческого благословения. Но страдал он еще и потому, что любил и не мог понять — законна ли его любовь.

Я не боялся, что он «ударится в разврат», пойдет в парк и станет мазать статуи физкультурниц. Я не боялся, что он будет по-жеребячьи гыкать перед стыдливой Медицейской Венерой.

А ведь гыкают. И мажут. Что там говорить о Венере. Наши парковые физкультурницы одеты куда богаче Венер, и все равно не помогает.

Конечно, лучше всего убрать Венер к чертям, чтоб не развивали нездоровых инстинктов. Убрать, и все!

Но позвольте! Откуда убрать? Где они, эти мраморные очаги разврата? А их нету. Нету мраморных очагов, и все тут. А если такой очаг где-нибудь обнаружится, — к нему немедленно под душераздирающий вой сирен слетаются великопостники и с ходу, еще не успев остановиться, обращают общественное внимание на отсутствие штанов. И признак этот становится выдающимся и главным. О чем можно вообще разговаривать на этой основе?

Эстетическое воспитание, конечно, не самоцель. Но у нас мало, безумно мало репродукций и копий с настоящих классических произведений. Гораздо меньше, чем великопостных нравоборцев.

Есть вещи, которые необходимо рассказывать детям заблаговременно, пока они еще не стали брандмейстерами.

Есть прекрасные легенды, красивые скульптуры и великолепные мифы, нисколько не уводящие от реализма. Занимаются ли этим как следует школы? Нет, дорогой читатель. Они не занимаются.

Я спросил шестиклассника об Аспазии. Он подумал и сказал, что, наверно, это древняя гречка. Его учительница покраснела. Она покраснела потому, что за двадцать пять веков имя свободной, талантливой, прекрасной женщины, передаваемое из рода в род устами ханжей, превратилось в неприличное имя гулящей девки.

Одна мамаша на вопрос дочки-школьницы, почему Татьяна не ушла с Онегиным, ответила очень вразумительно:

— Так у нее ж муж генерал!

Вот вам и «энциклопедия русской жизни»...

Автобусная пассажирка рассказывала о фильме «Дама с собачкой»:

— У нее — муж, у него — жена, а что вытворяют!

Вот вам Чехов с его чувством прекрасного...

И Пушкин, и Чехов, с точки зрения мещанина,—писатели «законные». Но это не мешает ему толковать взгляды этих классиков, исходя из своей грошовой этической программы.

Ясное дело, при этой программе Микеланджело — неприличный скульптор, Рубенс — неприличный художник, а Толстой — и говорить нечего—хошь справляй юбилей каждый день.

Мещанин выстроил замочную скважину перед прекрасным и возвышенным, заслонив их своими погаными утилитарными воззрениями.

И не возле этой ли скважины возникают истоки безнравственности, на которую ссылаются ханжи, оправдывая свое стремление натянуть на Афродиту трикотажные рейтузы?

Субботняя почта ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

ЧЕРНЫЕ ПРИЗРАКИ

Элла ЧЕРЕПАХОВА

Сутулый в низкий, беленький, совсем мирный, идиллический по виду домик под матовой от пыли железной крышей:

— Здесь живет семья Черниковых?

Отворяет сутуловатый смуглолицый человек в железнодорожной форме.

— Кому это мы занадобились? Интересно...

Я вынимаю из кармана письмо, написанное им, Парамоном Петровичем Черниковым, и его детьми — Виктором, Валентиной, Николаем, —письмо, полученное несколько дней назад редакцией:

«Нас постигло такое несчастье! Наша мать Ирина Филипповна Черникова, 1914 год рождения, бросила нас навсегда по приказу секты пятидесятников-трясунов... Ездит по городам со святым проповедником — проходимцем из Воркуты, недавно вышедшим из заключения... И они создают паучьи гнезда новых сект и распространяют религиозную литературу...»

— так начиналось это письмо из Валуек, маленького городка на Белгородщине.

Парамон Петрович широко распахивает дверь:

— Заходите... Ребята все дома...

Ребята густоволосы, смуглы, как отец, и так же реагируют на расспросы о матери. В голосах — несдерживаемая боль...

Виктор, младший Черников, недавний школьник, откровенно всхлипывает. Тяжело... Прямо невозможно тяжело! Вон на гвоздике мамкин полушалок, на комоде — ее зеркало... В шкафу — ее платье, в ящике стола попрежнему хранится значок «Отличный стрелок», полученный ею еще в молодости... А самой ее нет. Ни словечка, ни строчки с того осеннего вечера прошлого года, как бежала она из дому, в котором прожила чуть не тридцать лет.

Что сделали с ней слуги «бога милосердного»! Уже не матерью, не женой, не человеком покидала она Валуйки по заданию пятидесятнических главарей, а безвольной божьей рабой с душой, спаленной мрачным огнем фанатизма.

Наш разговор заходит в тупик, едва начинаются расспросы о том, что же в конце концов это за племя злобное — пятидесятники-трясуны. Кажется, даже ворс на спортивных джемперах сыновей Черникова ощетинился...

— Об этом никакими словами не рассказать... Сами побывайте там на радениях, — твердят они. — Это на Казацкой, у Предыбайло...

И вот я там...

ПОДМОЧЕННЫЙ ПОРОХ

Круглые, желтые, как копейки, глаза сестры Нины Предыбайло лихорадочно бегают по восковым страницам, от которых несет запахом тлена. Высокий визгливый голос бросает вниз, на головы коленопреклоненных людей, невообразимо древние, исполненные темной силы унижения слова:

— Блаженны нищие духом...

И в ответ катится тусклым эхом:

— Блаженны...

Тяжелый полумрак плавает в доме Нины Предыбайло. Закатный солнечный луч проводит кровавые мазки по толстым белым стенам, чуть освещает покорно согбенные фигуры молящихся.

Все быстрее и быстрее читает пророчица, все визгливей, истеричней, надрывней звучит ее высокий голос, лихорадочные пятна выступают на серой коже коленопреклоненных, возбуждение крупной дрожью проходит по телам... И вот неестественно, словно во внезапном параличе, перекашиваются рты, вылезают из орбит помутневшие глаза, и брызжут из них крупные слезы, рвутся из охрипших глоток протяжные вопли... Кажется, что попал в палату буйно помешанных...

Началась «беседа с богом»... — страшное, изуверское пятидесятническое радение.

Кто эти люди, собравшиеся у Предыбайло? Неужто наши современники?!

...Дергается, как в припадке, стройное тело молодой женщины, работницы ателье Маши Ланиной. «Господи спаси, господи не погуби!» — выкрикивает она почти в беспамятстве... Беспорядочными ударами в костлявую грудь награждает себя Елена Гребенюкова, мать семерых детей, которые бродяжат по городским улицам голодные, грязные, обтрепанные, почти беспризорные, пока она «спасает душу», «замаливает грехи» или выполняет хозяйственные поручения сестры Нины: ведь Гребенюкова своего рода наперсница и служанка пророчицы...

Стоит, покорно сложив на груди натруженные руки, женщина с изможденным, бледным лицом — Прасковья Зубехина, штукатур валуйского промкомбината. Бормочет что-то, бессильно валясь на пол, потерявшая сознание старушка Безгодкова. Она давно уже расстроила свое здоровье жуткими обрядами, но предпринимчивая пророчица Нина продолжает таскать ее на моления.

А проповедница, между тем, багровая, с исказившимся потным лицом, все подстегивает «обращенных», изо всех сил поддерживая вызванное ею в молящихся сильное нервное потрясение... Еще минута, и начнется самое главное: «духовная баня (нечленораздельные звуки вырвутся из глоток уже не владеющих ни рассудком, ни языком людей — звуки, которые сектанты выдают за «речения на иных языках»). Пятидесятники проповедуют, что на своем языке ничего богу не поведаешь: то мирской, поганый язык... Бог только иностранные речения понимает, иностранным словам внемлет. Сектанты гордятся тем, что самое их учение «пришло из-за моря»...

А точнее говоря, американские миссионеры занесли к нам в 20-х годах бактерию пятидесятничества — учения об «истинном», «живом» боге, чей «святой дух» нисходит якобы на «праведников» в 50-й день после Троицы и одаряет их «пророческим прозрением». Основа ядовитого и лживого учения пятидесятников — в евангельских прописях, проповедующих всепрощение («не пожелай зла» даже врагу родины) и полный отказ от мирской суеты, то бишь от общественной и гражданской деятельности, учебы, от мира литературы и искусства, а взамен — лишь страх перед страшным судом да унизительные обряды, коверкающие людей физически и морально. И при этом сектанты повсюду бубнят:

— Ничего дурного не делали... Против власти ни-ни... Всякая власть от бога, всякой и покоримся... Хоть советской, хоть иной какой...

Упорство, с каким Нина Предыбайло, как и другие главы сектантских общин, внушает верующим, что «на всем иностранном лежит благодать», принимает отнюдь не божественный, а очень земной характер. И белые ниточки, которыми шиты эти «проповеди», ведут прямо к новому правилу, принятому недавно валуйской сектой: стоит «пророчице» указать, как на брата или сестру во Христе, на какого-нибудь захожего человека, и любой из верующих должен быть готов накормить, напоить незнакомца и укрыть его от милиции и других органов Советской власти. Сестры подчиняются, платя долг за поддержку, оказанную им сектой в минуты их большого личного горя и одиночества (минуты, которые сектанты обычно и подстерегают для вербовки).

Не укладывается ни в сознании, ни в сердце, как могла хранить спокойствие общественность Валуек, когда вопли самоистязающихся людей чуть не каждый вечер разносились по городку, когда рядом, что называется, через улицу от районных организаций, сектанты калечили физически и нравственно десятки людей! Как все это можно было терпеть не то что целые годы, а хоть день, хоть час! Как можно было не увидеть единственно возможного выхода: подняться и пойти в наступление на этот очаг мракобесия.

— Времени все не хватает, — уныло сетует товарищ Дементьева, первый секретарь Валуйского райкома комсомола. — Да к тому же Предыбайло,

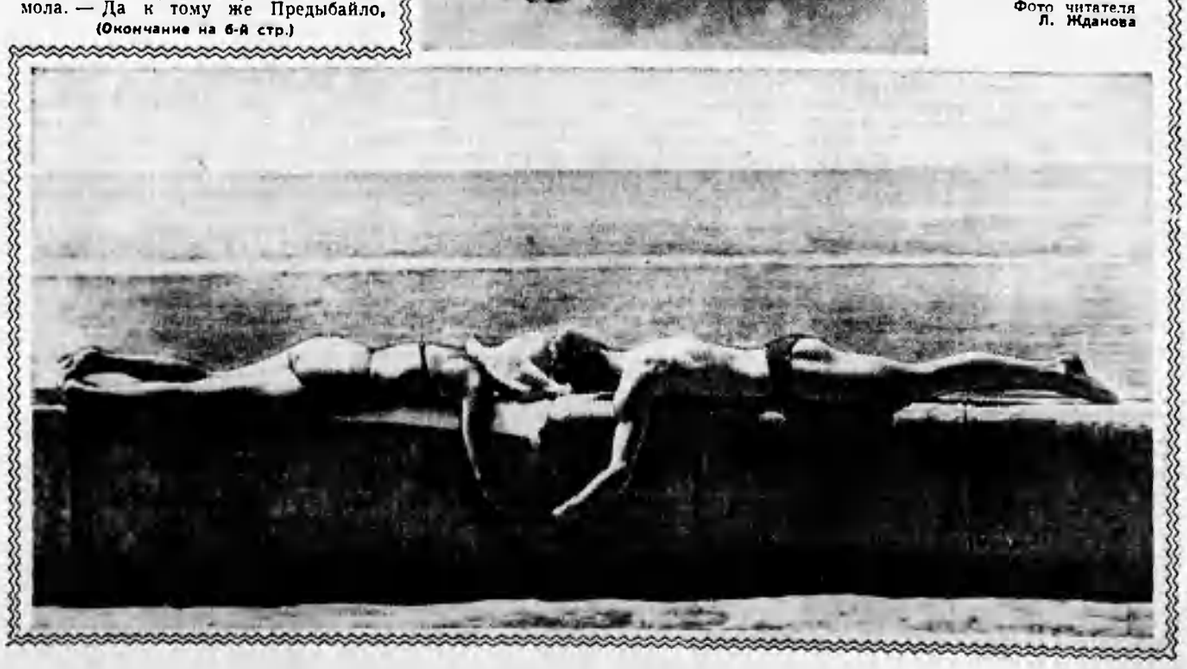
(Окончание на 6-й стр.)

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...

Солнце растопило лед на реке, поэтому у любителя зимних купаний с ним особые счеты. Он недоволен. Он мечтает о январских морозах. Здесь ничего не скажешь — дело внуса...

Фото читателя Е. Горбачева

В руке любимая рука, ласковое солнце над головой, а впереди неоглядная, спокойная ширь южного моря. Хорошо! Спасибо, солнце! Ты помогаешь мечтать, ты умеешь согревать не только спины, но и наши сердца!

Фото читателя Л. Жданова

Новости литературы и искусства

Театр имени Г. Сундукяна в Москве

*

Снимается фильм о герое

*

Стихи Евгения Винокурова

*

Рассказ Дмитрия Холендро

*

За рубежом

МАСТЕРСТВО ТЕАТРА

ЕРЕВАНСКИЙ театр имени Г. Сундукяна закончил гастроли. Положение критика обязывает сделать обзор всех показанных в Москве пяти постановок — похвально оценить активную работу театра над современной темой, правильность отбора классических произведений, указать на общие достижения и отдельные недостатки в актерской игре, на значительные успехи и отдельные срывы режиссуры. Но изменим обычаю и не станем — даже в дни экзаменационной сессии — расставлять актерам и режиссерам отметки. На этот раз хочется подумать о стилевых особенностях театра в целом.

Реализм Театра имени Г. Сундукяна многогранен и ярок. Имена Ваграма Папазяна, Грачии Нерсесяна и ныне покойного Вагарша Вагаршяна знаменуют не только крупные актерские индивидуальности, — эти выдающиеся дарования определяют собой мощную струю национального стиля, слиянность возвышенного с правдивым, образного и живописного с психологически углубленным изображением человека. Эта ведущая стилевая тенденция существует не только в игре корифеев театра, она является мерилом таланта и для среднего, и для младшего поколения актеров. И существует она не только в своей чистой героико-романтической форме, но и определяет внутреннюю тональность жанровой, бытовой игры. Вспомним сатирические персонажи Гургена Джанибекяна, Авета Аветисяна — эти человеческие глыбы корыстолюбия, спеси и пошлости.

Это же единство героического и жанрового определяет динамику сценических решений режиссуры театра и в первую очередь творчество его художественного руководителя Вартана Аджемяна.

Приведем два примера из спектаклей «Дядя Багдасар» А. Пароняна и «Хаос» по роману Ал. Ширванзаде.

...Разъяренный дядюшка Багдасар рычал, воинственно жестикулировал, стучал кулаками; его взор метал молнии, а люди не трепетали, ибо все эти сокрушительные пассы производил человек с рогами. Человек с рогами не жалел своих сил, пламенный темперамент клокотал в его душе (ведь роль эту играл Грачия Нерсесян), в гневе он становился воистину монументальным. Но вместе со страстями росли и рога. Он в трагическом отчаянии вскидывал голову, а рога, казалось, ударялись о люстру и царапали потолок. Исподтишка прыскали любовники, давились от смеха члены третейского суда, призванные «рассудить» супругов. Открыто и громко хохотал зал. И вдруг с Багдасаром произошло нечто невообразимое: лишившись атрибутов величия, он точно выкарабкался из-под этих рухнувших декораций и предстал перед нами жалким, растерянным, смешным, но живым, страдающим, одиноким человеком. До сих пор было очевидно, что дядюшка Багдасар — игрушка, болванчик в руках этих разыгрывающих его бездельников. Теперь же картина резко изменилась: потеряв самоуверенность, Багдасар не только переменился сам, но и как бы пролил новый свет на все его окружающее. Будто живой актер просунул голову в сценическую коробку кукольного театра, и иллюзия реальности всех персонажей мгновенно исчезла. Рядом с Багдасаром все действующие лица комедии стали глупыми марионетками, механическими человечками, разыгрывающими те незатейливые партии, из которых состояло их фальшивое, бессмысленное и никчемное существование. Но став человеком и страдая, Багдасар Нерсесяна сам смысла своих переживаний не понимает. Он остается в этой же среде, в этих же правилах игры, в этом же кругу интересов — ума от горя ему не прибавляется.

Так в режиссерском замысле и актерской игре перекрещиваются комическое и драматическое, глубокая психологическая правда и воинственная тенденциозность, так пафос сатирического образа рождается острой социальной мыслью.

И второй пример, когда обыденное, по существу даже комическое, претерпев сложную драматическую эволюцию, утверждается в своем большом человеческом и общественном значении. Мы говорим о центральном образе спектакля «Хаос», Микаэле Алимяне, как его сыграл Бабкен Нерсесян.

В этой постановке В. Аджемяна не все равноценно — в эпическом развороте спектакля порой ненужно замедляется ритм, а среди ярко сыгранных ролей попадаются и вялые, бытовые решения. Но главное в спектакле звучит отчетливо и сильно. Идет отчаянная борьба за наследство — в центре сражения средний из братьев Микаэл, человек циничный, решительный. В порывистой и нервной манере игры Нерсесян подчеркивает, что его герой — конь без узды, что это воитель, которому хорошо уже потому, что объявлена война.

И вдруг этот воинственный герой на полном ходу сбит с ног. Гордый лев бакинского «высшего света» получает публичную пощечину... И здесь актер показывает, что у его героя бесчестие породило представление о чести. От сцены к сцене на наших глазах менялся не только характер героя,— менялся характер актерской игры, через комедийные пласты роли все отчетливей проступал глубокий драматизм исполнения. И происходило это потому, что в недрах характера героя росла новая личность, почти на пустом месте воздвигалась новая и сильная натура, которая росла и крепла по мере столкновений с окружающей средой. Поле боя становилось все шире, а самый бой решительней и ответственней.

И вот Нерсесян уже предстает перед нами как трагический актер, а герой его, став, наконец, человеком, шлет проклятие миру собственничества.

Из глубин человеческого характера театр извлекает масштаб и силу своего поэтического искусства. Но он, конечно, терпит поражения, если актеры или режиссер ощущают живой и трепетный мир героя лишь приблизительно,— в этих случаях стиль театра как бы поворачивается своей оборотной стороной. И тогда импозантная и устойчивая форма традиционного исполнительства тушит горячий пламень сценической поэзии, и тогда нарочито подчеркнутая и расцвеченная комедийная игра умерщвляет обаяние и неповторимость характера, а лирическое прекраснодушие подменяет простую и трогательную правду души чем-то сугубо сентиментальным...

Сказанное имеет скорее профилактическое значение, хотя некоторые примеры нарушения норм стиля можно было бы привести и сейчас. Но это уже дело конкретного рецензирования, которым сегодня мы решили не заниматься.

...Близится сорокалетие Советской Армении. И мы уверены, что театр имени Г. Сундукяна к этой дате покажет спектакли, в которых героическая тема современности зазвучит во всю силу вдохновенного мастерства.

Г. БОЯДЖИЕВ

Евгений ВИНОКУРОВ

***

Тому вовек рассудком не понять
Страну мою,
как строилась, страдала,
Кого ни разу не смогли пронять
До слез
слова «Интернационала».
...Практичен Запад и нетороплив,
Параграф чтущий, делающий дело...
Страна моя, прекрасен твой порыв
Во всем достичь далекого предела!
...Я верю, будет, —
пусть идут года! —
Мир и довольство...
Но еще не знала
Вселенная от века никогда
Такой великой жажды идеала!..

***

Весною новой новая трава
Не знает ничего о прошлогодней.
Ей память для чего? Она жива —
Ей хорошо без прошлого, свободней.
А мне-то как: забрел в дремучий лес
Воспоминаний и не выйду к свету...
Мир прошлого! Да он давно исчез!
Его давно на самом деле нету!
Был да пропал, подобно миражу.
Прошло с тех пор уж лет пятнадцать этак.
А я брожу в густом лесу, брожу
С рубцами на лице от бьющих веток.

ОПЫТ

Подумаешь, Америку открыл!
Еще в пеленках это мы знавали!..
А я один, как клад, ее отрыл
И позабыть уже смогу едва ли.
Как я добыл ее! Я смертный пот
Стирал ладонью. Рот был сух от жажды.
Я рыл и рыл... Владеет ею тот,
Кто сам, один добыл ее однажды.
Она во мне. Я жил, ее тая...
Я, стиснув зубы, в муках, на пределе,
Ее добыл. Вот истина моя.
Вы ж до сих пор банальностью владели.

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...

В глаза ударили яркие лучи. Гол! Ну, конечно же, виновато только солнце...
Фото читателя В. Бибо

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

350 ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ...

...прозвенело в течение получаса на американской телестудии, принадлежащей радиокомпании Коламбиа бродкастинг систем. Зрители спешили выразить свое негодование. А вызвано оно было телепостановкой по роману американца Пата Фрэнка «Увы, Вавилон». Вкратце сюжет его сводится к следующему: на США нападает некая могучая держава, и после нескольких часов ядерной войны страна, подвергшаяся атаке, лежит в развалинах. Остался невредим лишь небольшой городок во Флориде — своеобразный «Ноев ковчег», — уцелевший в хаосе войны. Авторы телепостановки с завидной щедростью инсценировали ужасные последствия водородной бомбежки.

И начались звонки. Они были вызваны страхом, тревогой и возмущением. Зачем, в то время как в Женеве идут переговоры о разоружении, показывать вещь, в которой агрессор весьма недвусмысленно ассоциируется с Советским Союзом? К чему поощрять тех, кто поставляет романы ужасов о неизбежности третьей мировой войны с весьма прозрачным и злонамеренным подтекстом?

Остается лишь добавить, что за спиной Пата Фрэнка стоят более, чем он, влиятельные эксплуататоры «атомной жилы», которые всеми возможными средствами пытаются торпедировать доброе намерение своего народа жить в мире и согласии с народами других стран.

ЧИТАЛИ ЛИ ВЫ СИОРАНА!

С таким вопросом настойчиво обращается литературный обозреватель парижского еженедельника «Ар» Роже Нимие к читателям. Он спрашивает их об этом дважды: на первой и на четвертой страницах, спрашивает не из праздного любопытства: заголовок статьи Нимие, как явствует из ее содержания, мог бы увенчиваться не вопросительным, а восклицательным знаком: «Прочтите Сиорана! Прочтите его книгу «Истории и утопия», только что вышедшую в издательстве «Галлимар»!»

Ответим критику из «Ар», что нам приходилось читать Сиорана и писать о нем на страницах «Литературной газеты». М. Сиоран в своих философских эссе с жаром стремился внести вклад в раздувание «холодной войны», сея рознь и непримирь между народами. В книге, которую рекламирует «Ар», собраны именно эти эссе, стяжавшие Сиорану печальную известность, и навязывание их читателю свидетельствует о том, что кое-кому хочется возродить атмосферу «холодной войны».

М. Сиоран пишет витиевато. Автора рецензии приводят в восторг такие красоты его стиля: «Феномен, не имеющий себе подобных: Россия должна оправдывать свои захватнические намерения безграничностью своего пространства. Поскольку у меня достаточно, почему бы не получить еще большего? Таков скрытый парадокс и ее требований, и ее умалчиваний...»

Желая похвалить модного эссеиста, «Ар» пишет, что его книжке свойствен некий «подземный тон». Мы охотнее назвали бы его «загробным», настолько от приведенного выше и других высказываний Сиорана веет теми временами, с которыми народы хотят решительно покончить. «Ненависть — вот жизненная сила, заключенная в каждом», — так резюмирует Нимие сущность философии автора «Историй и утопии», утверждая, что «цивилизованный читатель во второй половине XX века будет чувствовать себя как дома, открыв книгу Сиорана».

Трудно сказать, что разумеет Роже Нимие под словом «цивилизация» и почему он не предложит философу выразить свой морально-этический кодекс в короткой заповеди: «Убий!». Стиль от этого стал бы еще выразительней и изящней.

МИР ВХОДЯЩЕМУ!

Торопливая дробь барабана рассыпалась по тихой улице городка, горнист не замедлил откликнуться, и знакомая мелодия пионерского марша заполнила зеленые просторы Ладушкина. Среди деревьев, на бугре, в шелесте листвы сквера, стоит кованый танкист. Маленький город носит его имя. Звон пионерской песни приближался к скверу, как шум прибоя, и когда докатился до березок, окружавших высокую фигуру лейтенанта-танкиста, барабан и горн смолкли — в сквер ребята вошли молчаливо, подняв в торжественном салюте загорелые руки. Об Иване Ладушкине школьники знали не очень много — он не успел прожить двадцати двух лет и погиб в последние дни войны. Но ребята знали, что, когда фронту не хватало самолетов, молодой летчик Ладушкин ушел в авиационное училище, окончил его в три месяца и здесь, у широкого шоссе, где высоко на бугре стоит ему памятник, Герой Советского Союза Иван Ладушкин успел пройти в 1945 году во главе роты мчавшихся вперед танков.

В Ладушкинскую среднюю школу из далекого Казахстана приезжали Елизавета Филипповна и Мартын Алексеевич — родители Ивана Ладушкина. Они рассказывали детям о своем сыне. Совсем недавно в городок приехал майор Степан Невера. Он поднялся по ступенькам в сквер, прошел вглубь, долго стоял у памятника, всматриваясь в лицо из бронзы, словно не все еще увидел в нем, и беззвучно плакал. На следующее утро его видели бледным и осунувшимся на этом же месте. Шел проливной дождь, а майор — молчаливый, недвижимый — сам казался застывшей живой статуей; все стоял и стоял у фигуры лейтенанта, которого скульптор изобразил с приоткрытыми губами, чуть задумчивым, смотрящим с надеждой на дорогу, куда ушла без своего командира осиротевшая рота танкистов.

— Вы знали его? — спросили майора.

— Да, — ответил майор, — он был моим командиром. Под Дейч-Тирау Ладушкин спас мне жизнь. Когда я узнал, что есть город, который носит его имя, я приехал с Дальнего Востока, чтобы поклониться Ивану Мартыновичу.

Майор пришел к школьникам. Он рассказал им, что его смелый командир был отзывчивым и добрым человеком, в нем все расцветало: мужество, талант командира, красота души.

— Будьте такими, как он, — сказал Степан Невера.

...Мы сидели на скамейке у памятника Ладушкину, когда школьники и совсем маленькие жители города — воспитанники детского сада вошли с цветами в сквер.

— У нас приходят сюда без всякого повода, не в дни круглых дат, — говорит мой собеседник, — просто так, по душевной потребности.

Со стороны шоссе доносилось ровное, настойчивое гудение машины. Грузовик давней военной поры, со следами вмятин, чуть замедлил ход и пошел в сторону Калининграда. В изнеможении откинувшись на борт грузовика, сидела в кузове молодая женщина. Заботливо прикрыв ее от солнца плащ-палаткой, сидел рядом с женщиной военный в измятой гимнастерке. Вот и все, что можно было заметить. Было в этой сцене что-то от недавних времен, и это не могло не взволновать.

— Это киногруппа, — сказали мне. — «Мир входящему» будет называться картина.

Между прочим, все в ней основано на фактах.

Я услышал от моих собеседников, сражавшихся когда-то в этих местах, историю, воскресшую в сценарии Леонида Зорина, Александра Алова и Владимира Наумова, историю одной немецкой женщины, найденной нашими солдатами в последний день войны почти бездыханной в овраге. Сквозь огонь фашистских батарей, потеряв по дороге шофера машины, наши солдаты доставили ее в советский военный госпиталь, и здесь она родила сына.

— Мир входящему в жизнь, — приветствовали наши раненые солдаты появление на свет нового обитателя земли.

...Это было рассказано у памятника Ивану Ладушкину, который в дни, когда родился этот немецкий мальчик, отдал свою жизнь, чтобы над каждой колыбелью всегда звучало: МИР ВХОДЯЩЕМУ.

А. ЛАЗЕБНИКОВ

г. Ладушкин,
Калининской области

ПАМЯТИ ВИССАРИОНА САЯНОВА

16 июня на набережной канала Грибоедова у дома 9, где четверть века жил выдающийся советский писатель Виссарион Саянов, собрались его товарищи — ленинградские литераторы, родные, друзья, вузовская молодежь, представители общественности города.

На митинге, посвященном открытию мемориальной доски, выступили председатель исполкома Дзержинского райсовета А. Смухнин, литературовед В. Абрямкин, поэты Б. Лихарев, Н. Браун, Б. Кежун, студент Библиотечного института О. Стрелков. Они рассказали о творческом пути покойного поэта, о встречах с ним и прочли посвященные ему стихи.

Надпись на мраморной доске гласит:

В этом доме
с 1934 по 1959 г.
жил
писатель
Виссарион
Михайлович
Саянов.

ЛЕНИНГРАД 17 июня
(Наш корр.)

РАССКАЗ

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Ночной разговор

Лена вышла из дома, осторожно прикрыв за собой дверь.

Какой тяжелый этот чемодан. Что в нем? Книги, платья, термос... Выбросить книги? Жалко. Она собирала их много лет, на колесах. Термос тоже нельзя. Девочкой она понятия не имела, какая хорошая штука — термос. Как он дышит, когда отвинтишь металлический колпачок и выдернешь горячую пробку. Как можно отогреть озябшие руки над чашкой воды из термоса.

Хутор, еще сонный, еле вырисовывался на рассвете. Маленький хутор в сухой и жаркой степи, где даже суслик, пробегая, поднимает за собой длинный хвост пыли.

Вчера приезжал председатель колхоза Картухин или Кормухин, жилистый, живой человек с глазами навыкате, и когда ему сказали, что проект утвержден и скоро в эту степь придет вода, он стал прыгать по желтой траве и кричать:

— Я счастливый, я ж такой счастливый!

«И я счастливая», — говорила себе Лена.

Среди ночи она вдруг всхлипнула. Аким тотчас же проснулся и спросил:

— Ленка, что случилось?

Он все еще называл ее Ленкой, как много-много лет назад. Его колючая щека лежала на ее маленькой шершавой ладони.

— Почему ты не спишь? — недовольно спросил Аким. — Душно?

— Нет, не слышу духоты, привыкла, — быстро ответила Лена. — Я уже засыпаю.

И притворилась спящей, а он сказал:

— Если бы ты знала, до чего я хочу курить!

— Ты с ума сошел!

— Сойду.

— Ни за что, Аким, — тревожно и строго прошептала Лена. — Ни одной папироски. Ты забыл о своих ногах. Это уже и так не ноги, а какие-то тумбы в валенках.

Она знала, что сдастся, если он будет настаивать, и поэтому пугала его, но больше — себя. Для твердости.

— Еще на Таежной доктор предупредил: не кури, останешься без ног. А ты не послушался.

— Почему именно ноги, Ленка? Мы столько могли бы еще протопать с тобой!

— Не знаю. Может быть, потому, что ноги изыскателя проходят в три раза больше, чем значится в его картах, Аким. Пока уложишь кусок трассы в десять километров, протопаешь все тридцать пять. Взад — вперед, взад — вперед... Твои ноги прожили свое быстрей тебя. Вот и все. Этот доктор оказался мудрее нас.

— Мудрецам верят на слово только дураки, Ленка. Я попался. Ну, и ладно. И дай мне папироску. Всего одну.

— Нет.

— Глупо меня мучить! Ведь уже не будет хуже. И так — плохо.

— Тебе больно, когда лежишь?

— Нет, что ты. И когда хожу,— не больно, даже забываю. Валенки уютные. Я о другом. Что-то с тобой плохо, Ленка. Я ведь знаю, почему ты не спишь... Ленка! — громко позвал он. — Ты снова плачешь? Глупая. Ну, отвечай же. Я не хочу, чтобы ты молчала.

— Когда ты называешь меня Ленкой, я только вспоминаю, Аким.

— Ты горюешь?

— Я счастлива.

— Если бы я знал, что это правда!

— Это правда.

— Но ты плакала. Ты всегда плачешь тихо. Или никогда не плачешь. Не знаю.

— А я не скажу.

— Ты не плачь, Ленка. Чем я утешу тебя? Одним... Такой, какой я есть, я всегда буду с тобой.

— Убери пальцы с моих глаз...

— Иной раз мне кажется, что мы только что встретились. И ничего еще не было. И все это неправда: Таежная, север, Теберда... Может, лучше, если бы этого не было? И ты не знала бы меня? Лучше?

— Все было, Аким. И ничего не забудется. Никогда. Ни те таежные сопки, ни эта степь, где мы начертили свою последнюю карту.

— Еще будет!

— Это неважно. Было так хорошо!..

Лена приподнялась на локте и говорила, нагнувшись над Акимом, глядя ему в лицо, чтобы он увидел ее улыбку. Но свет луны был слишком слаб и бессильно таял, не доставая до кровати. И Аким почти не видел лица Лены и мог догадываться об улыбке лишь по голосу.

Лена вспоминала, как вели трассу нефтепровода по тайге. Как она жила со своей маленькой группой в будке паромщика у бурной реки, и Аким спустился однажды с верховьев этой реки на бревне, весь изъеденный комарами. Они натянули простыни над чьей-то лодкой, вытащенной на песок, набросали в лодку веток и спали там две или три ночи.

— Помнишь?

— Да,— сказал Аким. — Я тоже хорошо это помню. Только я боюсь поверить себе... До сих пор не всегда верю, что ты со мной...

А Лена со страхом и тоской думала: больше ничего не будет — ни одной разведки, ни одного похода. Ноги Акима требовали покоя, и страшный день расставания пришел раньше, чем она ждала его. Не пришел, а нагрянул.

— И Теберду я вспоминаю иногда, — сказал Аким.

— А я помню. Помню всегда. Это со мной. Как будто с тех пор не прошло ни часа.

— Как же ты ухитрилась не состариться? — пошутил Аким. — За столько лет!

— Я их не считала. Я повзрослела на два или три твоих канала, шесть или семь твоих дорог. Больше ничего.

— Я тоже не чувствую себя старым, — признался Аким. — Но время-то не зевало. И вот я ношу летом валенки, которых никогда не надевал, даже зимой!

— Скоро ты вернешься к жене и детям, — сказала Лена. — И все наладится.

Тогда Аким рассердился.

— У меня нет никого, кроме тебя, — закричал он. — Ты одна. Ты — мать отряда и моя жена.

Да, ее никогда и никто не называл иначе. Ни в одной экспедиции. Ни в далекой тайге, ни здесь. Их всех породнили горы и степи, и дороги, и бездорожье. К ней приходили потолковать, занять лекарства раскосые золотоискатели из тайги и абхазские пастухи. Они спрашивали жену начальника. Люди из отряда, с которыми она своими ногами «пробовала географию», разный народ, герои и жулики, находившие первую радость в нелегкой работе, часто повторяли одно и то же: «Наша мать нас кормит, одевает, деньги взаймы дает». Она учила их держать рейки, выдавала им завтраки и свежие носовые платки на рассвете.

И вот она покидала их и Акима.

Вчера из Москвы пришла телеграмма. Их проект утвержден.

Мужчины пили водку. Аким закусывал, держа в левой руке вилку, а в правой — папиросу, чтобы Лена не отняла. Но она и не думала отнимать. Она позволила себе и ему эту радость. Он пировал, и она тоже веселилась, хотя сердце ее сжималось от боли за него и за себя.

— Ты поедешь со мной, в Москву, — твердо сказал Аким.

— Нет, дорогой, — ответила она. — Тебя ждут. Пятнадцать лет.

Она говорила, перебирая его мягкие волосы непослушными пальцами. Ревматизм все чаще мучил ее в последние годы. Ну, куда им вместе ехать, двум больным старикам? Она и присмотреть-то за ним, наверно, не сможет, как надо. Она уже все решила...

— Поезжай к детям, Аким. Их нельзя наказывать сейчас, когда они наконец дождались.

— Чепуха! — снова крикнул он сгоряча. — Какую чепуху ты городишь! Никуда я не поеду без тебя! Ни за что! Это ты хочешь меня теперь оставить? Инвалида, с прокуренной кровью!

— Не ворчи. Ты знаешь, что это не так.

— Почему же ты поехала со мной в первый раз? — спросил он.

— Если бы ты сразу сказал, что у тебя двое маленьких сыновей, я, быть может, набралась тогда мужества и повернула. Но ты не сказал.

— Я боялся, что ты повернешь. Но ведь потом, когда ты все узнала, Ленка, ты осталась.

— У меня уже не хватило мужества повернуть.

— Теперь ты мстишь? — с удивлением спросил он.

— Разве я знаю, что такое месть? — она даже засмеялась. — Нет, Аким. Ты всегда ругал меня за красивые слова. Но я так и не исправилась. Слушай, что я скажу тебе. Как-то я смотрела в небо: журавли летели. Их клонил ветер, но они выравнивали строй. Я не выровняла. Меня унес ветер. Зато я увидела страны, которых не видели журавли. И я снова и снова, даже во сне, должно быть, буду повторять свою жизнь, только эту, и никакую другую.

— Без меня?

— Да.

Теперь он засмеялся густым и тихим, как обычно, смехом:

— Но это невозможно, Ленка. Я давно должен был сказать обо всем матери своих сыновей...

— И убить их? Я грозила тебе, что лучше убью себя. Так и будет. Подумай, почему та женщина не оставила тебя сама? Просто из-за разлук, из-за тоски? Ведь столько было разлук! Она думала о детях. Прости меня, но я тоже немножко их мать. Ты для них — не очень знакомый, необычный и заманчивый человек. В их глазах отец — разведчик будущего, ходит в высоких сапогах по неведомым камням и болотам...

— Он ходит в валенках по сухой траве.

— И ведет за собой воду, тянет рельсы и трубы, по его следам в безмолвие проникает жизнь. Их мечтой всегда была твоя работа.

— Нет! Пусть они будут кем угодно, только не изыскателями.

— Ты трусишь за них, Аким?

— Просто я набродяжничал за них.

— Они пошли за тобой, когда ты сделал первый шаг.

— Не хочу, Ленка.

— А если бы ты узнал, что старший поступил на твой факультет?

— Я уже знаю. — сказал Аким горестно.

— Что же ты ему ответишь?

— Сыновья привыкли к моему молчанью. Я часто снимался с места на место, подолгу не отвечал им. Да и дома больше молчал.

— Теперь ты вернешься к ним совсем, дорогой. Ты поможешь им.

— Как? Буду твердить, чтоб не женились? Не рожали детей? Писать в газеты, чтобы строили для изыскателей передвижные дома и передвижные школы для их потомства?

— Влюбляться будут и в передвижных поселках. Ты еще не знаешь, о чем они спросят. Но у тебя есть что сказать им.

— А ты?

— А я исчезну.

— Я не отпущу тебя! У меня, действительно, есть что сказать им. И я скажу им все. О тебе.

— Что ты! Они не поймут и не простят.

— А ты хотела бы иметь своих детей, Ленка? — спросил Аким, помолчав. — Почему ты никогда не говорила мне об этом? Ни слова.

— Ты не спрашивал. И потом... Еще в детстве я прочитала, что есть пустые слова. Это меня предостерегло.

— Ты не любишь меня, вот что...

— Неправда.

— Минуту назад ты сомневалась в этом.

— Нет.

— Тогда больше никаких слов, никаких воспоминаний, ничего! Ты останешься со мной. Слышишь? Ты останешься, да?

— Я по-прежнему в твоих руках, — сказала Лена, — а они у тебя еще такие сильные. Ты держишь меня, как кусок глины. Можешь вылепить овцу.

Он успокоенно пошарил рукой под подушкой и вздохнул:

— Если бы ты дала мне закурить!

Папирос под подушкой не было. Он сунул их туда вечером, но она вынула, когда он уснул.

Аким опять глубоко вздохнул, коротко, устало простонал сквозь зубы и затих. Он, видимо, очень маялся без своего курева...

Лена встала.

В этот миг она почему-то вспомнила глупую девочку, которая мечтала сделаться знаменитой актрисой. Вспомнила и улыбнулась. Все вышло лучше в жизни, куда лучше!

У нее дрожали руки, когда она застегивала пуговицы на платье. Как она ни берегла сон Акима, как ни старалась все делать тихо, вдруг со стуком отщелкнулся замок на чемодане. Лена прижала его рукой и взяла чемодан в обнимку, подумав, что закроет на улице.

У жиденькой дощатой двери она замерла. Ей захотелось оглянуться. Она поняла, что не справится с собой. Неожиданно сердце отяжелело, и показалось, что эта невероятная, небывалая, нечеловеческая тяжесть согнет ее. У нее закружилась голова.

Лена опустила чемодан к ногам и, держась рукой за стену, дошла до окна. Чуть-чуть приоткрыла марлевую занавеску. Это не помогло ей, хотя стало заметно светлее. На стену от подушки падала большая тень. Лица не было видно. Но Лена хорошо помнила его до мельчайшей черточки. Три тяжелые морщины на лбу, ровные, как рельсы. Большие губы и светлые, блестящие глаза в мохнатых ресницах.

Светало робко, несмело, точно день с опаской набирался сил для степной широты.

Лена шла по степи напрямик, без дороги, да она и не увидела бы ее. Она знала, что в той стороне была станция.

«Я счастливая», — повторяла она себе.

Вот только беда — очень уж тяжел чемодан. Не дотащить, правда. И так еще далеко! Взять бы отрядную полуторку, а у станции бросить с запиской. Аким простил бы. Она умела править машиной, как умела и перечерчивать по сто раз карты, и варить суп.

Но ключи лежат на подоконнике, возле коробки со швейной машурой. Снова возвращаться туда нет сил. Можно разбудить Акима...

Это было невероятно, но она уходила от него. И больше никогда не будет она узнавать, куда направляется его отряд.

Она уходила, но все оставалось с ней. Ничего нельзя было забыть. Потому что жизнь не останавливалась, не обрывалась. Просто однажды она переполняла человека до краев, и все.

Клуб литературной газеты

«ВРЕМЯ гудит телеграфной струной», — писал Владимир Маяковский. Сегодня оно предпочитает беспроволочный телеграф. Сегодня мерное гудение железнодорожных рельсов кажется ему слишком спокойным, и оно рвется к космическим скоростям ракеты. Ход движка на логарифмической линейке начинает казаться ему наивным, и оно нетерпеливо программирует свои желания кибернетическому мозгу, требуя ответов немедленных и всеобъемлющих, тут же превращая их в новые вопросы, и, добившись ответов, снова вопрошает, ищет. После многих веков ожидания оно хочет проникнуть наконец в свою собственную тайну. Тайну Времени. Времени и Пространства.

Постижение тайн природы и природы своей собственной делает человека сейчас более чем когда-либо «красой вселенной», «венцом всего живущего». Сегодня это право из пылкой шекспировской декларации стало бесспорной реальностью.

Но каков сегодня Человек? Каким он приходит к своему торжеству, к тому долгожданному времени, когда он становится хозяином над силами, казавшимися его недавним предкам стихийными и неподвластными? Когда он берет власть над движением вод и ветров, над капризами тепла и холода, над работой своего собственного мозга, над сокровенными тайнами жизни и наследственности, над произволом смерти. Когда он вырывает из «мертвой» материи сокрушительную энергию и, преодолев казавшееся непреодолимым притяжение родившей его Земли, вырывается в Космос, — когда, наконец, он приступает к созданию самого благородного из своих творений — к строительству коммунистического общества. И это великое творчество многомиллионных трудящихся масс—разве оно не лучшее подтверждение возросшего могущества человека?

Итак, каков сегодня Человек, получивший власть над законами природы и общества? Как он любит, ненавидит, каковы его представления о долге, горе, счастье? Чем живут его душа и сердце?

Спор идет о месте и назначении человека в системе тех открытий и изобретений, которые созданы его же собственным гением. В буржуазном обществе, миропорядок которого приводит к духовному и физическому оскудению и вырождению человека, закономерно возникают теории, фетишизирующие механизмы, мир роботов. Не случайно там появляется так много мрачных фантазий и утопий.

Человека, освобождающегося от произвола природных и общественных сил, хотят обречь на рабство, куда более изуверское и испепеляющее, чем прежнее,—на подчинение власти идеально действующих автоматов. Ему предлагают не венец, а цепи. Таков плод ума рабского.

Речь, таким образом, идет — и это главное — не только о судьбе искусства, а о судьбе всей человеческой личности. Разрушение, уродливая деформация личности или полнейший расцвет всех возможностей, заложенных в ней, — интеллектуальных, эмоциональных, физических,—и ни в коем случае одно за счет другого, а в гармоничном взаимодействии одного с другим. Существуют только два пути.

О сегодняшних судьбах человеческой личности, о характере нашего современника, о духовном мире советского человека, строящего свободное коммунистическое общество, о том, как все это отражено в современном искусстве, хотим мы говорить на наших страницах в открывающемся сегодня «Клубе «Литературной газеты».

И среди вопросов, выдвинутых нашим временем, первостепенное место, естественно, займет разговор о герое наших дней — о том, каков он в жизни и каким предстает на страницах нашей многонациональной советской литературы и литературы зарубежной. Что сегодня его волнует, что нового появилось за последние годы в его характере, психологии, интересах, требованиях, какие вопросы его тревожат, в какие бои и конфликты он вступает, как любит, что считает счастьем; если у него есть враги — какие они и как он с ними воюет, если друзья — то на чем зиждется дружба. И главное — как он трудится, дерзает, творит, как находит свое место и призвание в великой битве за светлое будущее человечества.

Время меняет человека, время неотвратимо влияет и на судьбы искусства—этого великого человековеда. Современная жизнь, формы современного мышления, чувствования, — как определяют они формы литературы, живописи, музыки, в каком взаимоотношении и взаимодействии друг с другом находятся — таков другой круг вопросов, которые, мы считаем, должны быть обсуждены. Необходимо в первую очередь раскрыть те новаторские завоевания, которые сделало искусство социалистического реализма, опирающееся на незыблемый принцип партийности.

Важно разобраться и в традициях великого реализма XIX века — какова их роль в судьбах сегодняшнего искусства, какие тенденции оно развивает и обновляет, какие остаются в прошлом? Где кончаются плодотворные новаторские поиски и начинается модернистский изыск, беспочвенный снобизм, праздное трюкачество?

Архитектура, живопись, музыка, проза, поэзия, театр, кино, телевидение — все они, вслушиваясь, вглядываясь в жизнь, ищут новый язык, новые ритмы, композиции, монтажи, соответствующие нашему времени. Происходит взаимопроникновение искусств. Достижения и открытия, совершенные в одном искусстве, влияют на судьбы смежного. И, в свою очередь, на стыке разных искусств происходят многообещающие открытия и находки. Их надо поддерживать.

Но по-прежнему мерилом всего остается Человек. Поэтому важно исследовать и те современные формы выражения психологии современного человека, которые находит сегодняшнее искусство. Важно при этом проверить, не утеряла ли нынешняя проза, например, некоторые бесценные завоевания писателей-психологов прошлого. Не теряется ли за изображением психологических частностей целостное представление о характере?

Наконец, всеобщий интерес вызывает сегодня вопрос о взаимоотношениях современного искусства с научной революцией, о взаимном влиянии научного и художественного творчества. Становятся ли они антагонистами? Или мирно делят «сферы влияния»? А может быть, где-то между ними рубежи исчезнут?

Тот, кто придет со своими раздумьями на страницы нашей газеты, наверняка принесет множество других вопросов.

В сбсуждении всех этих животрепещущих вопросов мы приглашаем принять участие писателей, художников, композиторов, архитекторов, артистов, режиссеров, искусствоведов, публицистов, рабочих, колхозников, студентов, физиков, биологов, психологов — всех деятелей науки и техники, людей разных профессий и возрастов. Редакция предполагает привлечь к участию в этом разговоре также крупных зарубежных писателей и ученых.

«Клуб «Литературной газеты» мы открываем сегодня статьей Корнелия Зелинского «Научная революция и литература». Это только одна из первых статей, положенных на круглый стол Клуба. В ней затрагивается лишь несколько из многочисленных вопросов, которые будут подняты в ходе обсуждения.

Ждем ваших статей, товарищи читатели! Ждем ваших вопросов, мыслей, раздумий!

Научная революция и литература

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

МНОГИЕ читательские письма по поводу статьи «Камо грядеши?» заставили меня задуматься. Они показали, что в народе происходят глубокие духовные процессы, мимо которых не может пройти наше искусство.

Что же происходит в умах людей, с чем связаны судьбы искусства, науки, да и самих людей? Происходит новая культурная революция, выражающаяся в переходе людей в более высокий класс коммунистического сознания, как верно сказала Валентина Гаганова на Всесоюзном совещании передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда. Этот переход в высший класс коммунистического сознания сопровождается двумя вещами: массовым освоением техники и познанием ее научных основ и в то же время (как сказал мастер тепловозоремонтного цеха В. Станилевич) «заметно усилилась тяга молодых рабочих к литературе и искусству».

Итак, миллионы, множества устремились в технику, а значит, и в науку. И в то же время множества устремились к искусству или в само искусство (например, в форме художественной самодеятельности). Обе эти дороги сливаются, но они разные. И предметы, с которыми человек встречается, развивая свое техническое и абстрактное мышление или развивая конкретное эстетическое восприятие, — разные предметы. Неправы те, кто почитает технику и науку куда ниже искусства по силе воздействия на душу человека, что общение с техникой нейтрально. Технику не только изучают. Она и сама учит, она задает вопросы.

Горняки шахты № 46 на прииске имени Артема Бодайбинского района, Иркутской области внимательно обсуждали статью «Камо грядеши?» и, как пишет в редакцию радиотехник М. Скоробогатько, который проводил эту беседу, решили обратиться с просьбой: «Рассказать на страницах «Литературной газеты» в популярной форме об исследовании природы математическими методами. «С этим вопросом надо обратиться в редакцию другой газеты или журнала», — настаивали одни. «Нет, раз уж «Литературная газета» затронула этот вопрос, пусть на него и ответит», — настаивали другие...»

Вопрос, поднятый горняками с далекого сибирского прииска, имеет более широкое значение, нежели это представляется на первый взгляд. Он показывает, что простого практического изучения техники по учебникам становится мало. Наши люди, естественно, хотят разобраться в научной, принципиальной стороне предмета. И, в частности, уяснить переход от практических задач и предметов к формализованным путям мышления, то есть в первую очередь к математике. Это первая ступень в той веренице вопросов, которая нас подводит к более всеобъемлющей проблеме научной революции, составляющей у нас, в СССР, не самостоятельный фактор, но одну из сторон преобразовательных процессов, которые происходят в нашей стране.

За вопросом бодайбинских горняков последуют другие. Их можно сформулировать так: «А что значит вообще научная революция? И почему в ней первенствующее значение приобретают математика и кибернетика?»

ЧТО ПРОИСХОДИТ?

СЕГОДНЯ в цехи и на заводы пока еще медленно входят мерцающие вестники будущего — автоматы и роботы. Но этот процесс с каждым годом будет ускоряться. Что же произойдет завтра, при полной победе революционной промышленности коммунизма? Наступит «мир кнопочной цивилизации», когда руки людей совсем освободятся от труда механического, чтоб приложить эти руки к труду только творческому, и жизнь будет пронизана искусством, красотой?

В развитии науки и техники есть своя внутренняя логика. Самолеты не могли появиться при Петре I, хотя люди мечтали о человеческом полете по воздуху со времен мифологического Икара. Но сегодня в точных науках, в математике и естествознании накопились такие количественные изменения, которые подвели человечество к качественным изменениям, к научной революции.

Например, революцией в общественных науках было открытие Марксом закономерностей развития человеческого общества. Марксизм-ленинизм явился рывком вперед величайшего принципиального значения в умственном развитии всего человечества. Одним из последствий этого открытия сегодня являются уже образование лагеря социалистических государств и стремительное продвижение наше к коммунизму.

Обращаясь к точным наукам, мы говорим, что вступили сегодня в век атома и космических ракет. Но открытие внутриатомной энергии и построение первых ступенек для путешествия в космос — это только наиболее поражающие наше воображение факты. Научная революция за последние 10—15 лет охватила многие области, подвела к совершенно новым взглядам на природу живого и мертвого вещества, особенно на путях нового направления в науке — кибернетики. Раньше человеческий мозг не имел в природе себе «конкурента» ни в чем. Сегодня положение частично изменилось.

Не буду вторгаться в головокружительную область, в которой только разгораются страсти: о степени и характере заменимости функций человеческого мозга. Скажу, что уже сегодня кибернетические устройства берут на себя функции переводчиков, библиографов, даже частично инженеров, во всяком случае в области планирования производства и управления. Я уже не говорю о вычислительных операциях.

Новое направление в науке открывает новые пути к познанию прежде всего самого человека, по крайней мере в тех его функциях, которые поддаются формализации, то есть сравнению их с машинами (как это делал И. П. Павлов). Мир стоит на пороге, когда биология — наука о живом веществе — будет рассматриваться на молекулярном и атомарном уровнях.

И, может быть, здесь, на участке молекулярной биологии, загорится факел поразительных открытий, который заблестит не меньше, чем звезда спутника.

Вот здесь бы и должна прийти на помощь книга, которая дала бы возможность подышать творческим, будоражащим, как озон, воздухом научных открытий. Но такой книги, которая бы на живых фактах раскрыла философию величайших сдвигов, происходящих сегодня в науке, книги, которая дала бы возможность единым взором охватить поле битвы человека с природой, или, вернее сказать, панораму освоения человечеством сил природы, — такой книги, к сожалению, нет.

А как нужна такая книга широкому читателю!

Ученые нередко высказывают недовольство писателями, когда те берутся за популяризацию научных знаний. Мне кажется, что недооценивается то важное и серьезное, что сделано в этой области такими писателями, как Б. Агапов, К. Андреев, Д. Данин, Н. Михайлов, А. Морозов, О. Писаржевский, В. Сафонов и др. Но верно, что вопрос о создании у нас общедоступной и в то же время серьезной литературы по вопросам науки приобретает сегодня на фоне того, что происходит в стране, большое общественное значение. Возникает и такой вопрос: почему наши большие ученые сами не берутся за перо (если писатели, по их мнению, делают плохо), чтобы рассказать о том, что происходит сегодня в области физики, химии, астрономии, биологии и, наконец, математики? Почему бы президиуму Академии наук СССР не обсудить хотя бы раз не только скандальные случаи нездоровой погони журналистов за научными сенсациями, но и общий вопрос о постановке у нас серьезной пропаганды научных знаний?

Кстати, здесь есть чему поучиться и у зарубежных ученых, например у англичан. В Англии многие видные ученые — начиная с Фарадея, автора «Истории свечи», кончая Эддингтоном, Джинсом и др. — находили время (а главное считали необходимым его найти), помимо своих прямых занятий наукой, также рассказывать о ней народу. И сегодня автором превосходной книги под названием «Законы природы», книги, дающей единую картину развития физических понятий, кончая новейшими открытиями в области элементарных частиц, тоже явился английский ученый, профессор физики бирмингемского университета Р. Е. Пайерлс.

НО ВЕРНЕМСЯ к нашей основной теме о возникших диспропорциях между развитием искусства, его воздействием на сознание человека и между развитием самой науки.

Один из читателей (главный инженер «Молдгипростроя» М. Трогун из г. Кишинева) сообщает, что в его проектном институте, в котором работает около пятисот инженеров, техников, архитекторов, большинство сотрудников «сторонники идеологии, защищаемой инженером Полетаевым, и проявляют мало интереса к литературе или музыке». В институте пробовали привить его работникам любовь к современной литературе, искусству, устраивали лекции и т. п. Но на них едва ли приходило два десятка человек.

Правда, в ответ на этот пример можно привести три или пять противоположных примеров, которые будут свидетельствовать о том, что профессора математики, химики являются или музыкантами, или ценителями литературы и т. п.

Таким образом, перед нами факты, которые если и не имеют всеохватывающего распространения, то во всяком случае они достойны внимания как симптом, говорящий о некоторых сдвигах в человеческой психологии под действием тех новых условий, которые образовались в результате ярких побед науки, и подчинивший себе умы.

Эти факты — отражение тех преобразовательных процессов, которые происходят не только в нашей стране, но и во всем мире, — все это тоже входит в понятие современности. А эта последняя, взятая в целом, составляет то, что движет развитие искусства. Современность во все века была душой передовой литературы. Но современность наших дней имеет одну, вряд ли осознаваемую всеми черту, создающую совершенно особые условия для конкретного эстетического познания человеком истории сегодняшнего дня через искусство. Эта черта — необычайная стремительность развития. Мы живем в век бурного, всеохватывающего революционного обновления. Жизнь течет в острых противоречиях, на каждом шагу порождая диспропорции, неравномерности в развитии отдельных сторон культуры.

Примером того, что многим людям представляется внутренне, психологически неприемлемой сама идея диспропорции в развитии науки и искусства, является значительное число читательских писем, в которых читатели не видят даже предмета для спора. Многие читатели считают нелепостью возможность неприятия искусства или равнодушия к нему, как нелепо всякое варварство. «Не осуждать, а жалеть таких людей надо», — пишет агроном И. Островской из Тамбова.

Об отсутствии предмета для спора говорилось и в выступлении одной студентки на диспуте в Московском университете имени Ломоносова, собравшем большую аудиторию не только студентов филологов, но и физиков, и математиков.

Можно заметить, что диспропорции в развитии отдельных участков фронта человеческой культуры в гораздо большей степени дают себя знать в условиях буржуазного строя. Например, в Англии тог же профессор Р. Е. Пайерлс пишет в своей книге:

«В наши дни преобладания специального образования можно услышать о типе ученого или инженера, духовные интересы которого ограничены узкой областью и в чьем образовании полностью пренебрегалось общечеловеческими ценностями, включая искусство и гуманитарные науки. Вполне возможно, такой тип действительно существует, хотя он был бы совершенно не похож на большинство знакомых мне ученых и инженеров. Однако я уверен, что существует также другая крайность, именно человек, чье воспитание ограничивалось искусством и гуманитарными науками и чьи интересы далеки от естественных наук».

Надо сказать, что крайности в формировании интеллигенции научно-технического и гуманитарного склада в Англии получили гораздо более острый характер, нежели о том написал бирмингемский профессор. В частности, на эту тему выступил известный физик и писатель Чарльз Сноу с лекцией «Две культуры и научная революция». Эта лекция в Англии вызвала широкий отклик, по преимуществу со стороны ученых, которые обрушились на снобизм и отсталость современной английской литературы. В дискуссии приняли участие такие видные ученые, как философ Бертран Рассел, физик Дж. Кокрофт и др. Но это выступление Сноу имело широкий отклик не только в Англии, но и в других странах и прежде всего в Америке (где эта тема впервые была поднята физиком Клингом еще в 1956 году).

В частности, Чарльз Сноу отметил, как особую черту советской литературы, отличающую ее от английской, что в произведениях советских писателей сквозит страстная вера в образование, в науку, чего не скажешь о многих современных английских романах.

Конечно, при социалистическом строе те противоречия, которые были вызваны общими неравномерностями в развитии культуры, не носят антагонистического характера. Но сами противоречия и неравномерности, как мы видели по выше приведенным примерам, налицо. Отнюдь не полезно их замазывать. Проще пожать плечами: «отчего пальба и клики и эскадра на реке?», — нежели продумать выводы, которые приходится сделать из того, что современная научная революция рождает и иной тип мышления, восприятия мира.

КТО ВИНОВАТ?

МНОГОЧИСЛЕННАЯ группа читателей встает на защиту искусства и с большой страстью обрушивается на тех, кто не признает или недооценивает роли искусства в жизни советского человека. Главной мишенью здесь стал инженер И. Полетаев. Какие только слова не направляют читатели — и инженеры, и рабочие, и студенты, и физики, и лирики — в адрес автора заметки в «Комсомольской правде».

«Болью, настоящей болью в сердце отозвались слова инженера Полетаева о том, что в нашу эпоху можно жить только поэзией идей, теорий, экспериментов, строительства!, — так восклицает одна читательница (Н. Паникаровская из г. Запорожья). — Это нигилистическое отношение к искусству вызывает справедливую тревогу». Другие награждают инженера нелестными эпитетами, выражают возмущение немарксистской позицией. А одна читательница — радиотехник А. Липина (из г. Горького) — от избытка возмущенных чувств посвятила даже куплеты Полетаеву:

Одну науку лишь предпочитая,
Вы роль искусства привели к нулю,
Но не одна наука, Полетаев,
Вела ракету в космос, на Луну!

Инженер-конструктор А. Гучинская (Ленинград) пишет в редакцию:

«Я, может быть, плохо разбираюсь в вопросах поэзии, но я ее люблю и совершенно не согласна с тов. Полетаевым, что нам сейчас поэзия не нужна. Да она всегда была и будет нужна... Я не верю ему...»

Очевидно, этот вопрос приобрел общественное значение и в него необходимо внести ясность. В жизни человека иногда происходят такие случаи, когда малая часть заслоняет целое и когда одно случайное выступление, эпизод приобретают неправомерный характер. Так получилось и с инженером Полетаевым, который, очевидно, помимо своей воли, неожиданно стал своеобразным знаменем нигилистических тенденций отрицания искусства и т. п.

Но в действительности инженер И. Полетаев вовсе не является каким-то варваром, посягнувшим на искусство и его общественно-воспитательную роль. И. Полетаев — автор не только дразнящей, вызвавшей общественный шум заметки в «Комсомольской правде», но и автор смелой и глубокой по своим философским обобщениям (хотя в этом и спорной) книги «Сигнал» (1958 г.). Это книга широко образованного ученого и едва ли не лучшая книга о проблемах кибернетики в нашей литературе. Она с замечательной ясностью раскрывает читателю принципы и перспективы научной революции, происходящей ныне в мире в связи с широким вводом в действие в различных областях автоматики и кибернетических устройств. Эта книга интересна не только с познавательной и философской стороны. Она может являться ключом и к психологии тех людей, воображение которых захвачено поэзией теорий, идей, экспериментов, открытий. И. Полетаев справедливо пишет, что человек, несомненно, многому учится у машины. «Оператор-программист, формулирующий задачу для машины, не только обладает специальными знаниями. Выражаясь образно, машина воспитывает его мыслить иначе, строже, не допускать произвольных толкований и необоснованных решений».

Безусловно, машины, кибернетические устройства и сама наука не только представляют собой творения человеческого мозга, но и взаимодействуют с ним, подобно воздействию музыки на человека, которая тоже есть человеческое творение. Вот почему можно понять (хотя и не принять) даже озорной выпад «против Баха» со стороны человека, который знает, что при помощи кибернетических устройств «сейчас уже не представляют редкости демонстрации сочиненной подобным образом музыки, например, в стиле Баха и Вивальди. Утверждается, что мелодии ковбойских песен хорошо имитируются с помощью случайного процесса марковского типа, т. е. процесса, у которого выбор следующей ноты зависит, по вероятности, только от непосредственно предшествующей».

Более подробное освещение кибернетической обработки (при помощи быстродействующей электронной вычислительной машины) музыкальных построений (в частности ковбойских песенок) мы находим в только что вышедшем втором дополненном издании талантливой книги математиков А. М. Яглома и И. М. Яглома «Вероятность и информация». Кстати, это, пожалуй, единственная на русском языке книга, в которой некоторые чисто филологические проблемы освещаются с точки зрения кибернетики. В ней на ясных примерах доказывается, почему кибернетические методы могут отступать перед художественной литературой, которой присуща «низкая избыточность», когда преобладает не просто информация, поддающаяся машинной обработке, но преобладает индивидуальность, человеческое лицо, стиль, свой почерк. Недаром французский психиатр и автор книги «Кибернетика» Поль Косса сказал, что вторжение кибернетики останавливается на опушке того, что можно назвать «темным лесом поэта».

Итак, я действительно за триумф науки, и мне кажется, что нигилистическое отношение к науке еще более вредно, чем нигилистическое отношение к искусству. И здесь я вместе с Валерием Брюсовым, который писал в поэме «Светоч мысли»:

Над буйным хаосом стихийных сил
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.
Исканьем тайн дух человека жил,
Мощь разума распространялась в мире...

...Во все века жила, затаена,
Надежда — вскрыть все таинства природы.
К великой цели двигались народы.

И смешно говорить, что наука может стать каким-то соперником искусства. Я выступил против технократических настроений не только потому, что свою жизнь я посвятил литературе. Но главным образом потому, что отрыв от гуманитарных областей — это в то же время отрыв от мира идей, от политики, от всего того, что цементирует социалистическое общество и дает ему душу. Коммунизм — это мир прекрасного, а не просто мир «кнопочной цивилизации».

Но мы бы совершили не менее непростительную ошибку, если бы не поняли всестороннего значения происходящей в мире научной революции.

НАКОНЕЦ есть и весьма обширная группа корреспондентов, которые возлагают вину за то, что «лирики в загоне», на самих лириков, вообще на писателей. Надо сказать, что неудовлетворенность современным состоянием искусства и, в частности, литературы в достаточной степени велика. Было бы ошибкой с нашей стороны, со стороны писателей, высокомерно игнорировать эту неудовлетворенность. Эта нота звучит во многих письмах. Она прозвучала и на диспуте в Московском университете. «Так ли уж беспочвенны разговоры о неудовлетворительном состоянии поэзии?» — задает вопрос один библиотекарь из Перми и приводит из своей практики довольно много убедительных примеров. Машинист башенного крана В. Блюмкин (из Киева) пишет, что, по его мнению, не многим поэтам удается «отразить весь дух, все величие нашей эпохи», и потому поэты теряют читателей.

Я думаю, что подобного рода упреки мы вправе адресовать не только поэтам, но и многим прозаикам, и драматургам, и критикам. Дух новаторства, которым на нас веет от всего творчества Маяковского, не очень-то ощутим сегодня в литературе. Тут налицо определенный разрыв между революционным новаторством в науке, в атмосфере которого сегодня в нашей стране вырастают сотни тысяч людей, и между литературой, многие представители которой успокаиваются на приемах откровенного натурализма.

Фотография обратной стороны Луны — это ли не величайший триумф советской науки! Но поэты вряд ли решат стоящие перед ними новые задачи, если просто зарифмуют это событие, взбудоражившее воображение миллионов людей во всем мире. Дело гораздо сложнее. Дело в том, что за фотографией обратной стороны Луны стоит новый мир научного мышления, поднявший человеческую мысль на новые вершины математики, кибернетики, электроники и т. п. По правде говоря, для «гуманитариев», для многих писателей эти события, как и сам этот новый мир научной революции, так же пока еще далек и непонятен, как обратная сторона Луны.

Я не считаю, как это пишут некоторые читатели, например, учитель С. Терещенко из Минска, что поэты и литераторы должны вести за собой читателя в таинственный мир интегралов и т. п. Речь идет о том, чтобы для писателей не была бы книгой за семью печатями новая психология, которая складывается в СССР уже не у тысяч, а у миллионов людей в условиях борьбы за звание ударника коммунистического труда, в условиях научной революции, в связи с насыщением нашей жизни и новыми средствами связи, машинами, математическими формулами, в связи с перестройкой сознания под действием новых понятий и привычек, внушаемых и коммунистической моралью, и красотой, и математикой, точными науками.

ЦЕЛЬ — ОЧЕЛОВЕЧИТЬ!

ПОДОБНО тому, как мы, «гуманитарии», хотим подышать в книге о научных открытиях своего рода творческим озоном, который разбудил бы новые мысли, настроения, так и инженеры, техники, ученые-естественники ищут в художественной литературе того же самого. Широкий читатель тоже ищет в художественной литературе новых импульсов, идейных, эстетических, в своей борьбе за коммунизм.

«Мы вправе ожидать, что именно в поэзии сверкнут самые дерзновенные фантазии, но оказывается, что наука возбуждает и воплощает фантазии, рядом с которыми иные поэты кажутся серыми», — пишет химик Н. Айзенштадт.

Я не могу разделить ощущения автора письма в его восприятии современной поэзии. Но я не считал бы правильным просто пренебречь читательскими чувствами. Критику в наш писательский адрес мы не должны принимать как нечто обидное, но постараться понять те изменения в требованиях, которые современный советский читатель предъявляет к литературе. Разумеется, не всякое недовольство читателя современной литературой мы должны воспринимать как недостаток самой литературы. Тут могут действовать разные причины: некоторые люди могут быть глухи к искусству. Спорт и телевидение отнимают у иных больше времени. Другие ищут в литературе не столько эстетические и интеллектуальные ценности, но хотят, чтобы книга их только развлекала или давала рассеяние. На Западе есть даже современные классики детективной литературы, как, например, Агата Кристи. Я не принадлежу к тем, кто с порога отрицает значение подобного рода литературы, как это свойственно некоторым критикам детективно-приключенческой советской литературы у нас.

Сейчас речь идет о другом — о том, в какой мере художественная литература участвует в сотворении нового мира и какое место в сознании современного человека она занимает. То, что сейчас стали у нас меньше приобретать книг, я считаю здоровым процессом. Когда насыщен первый голод, кончилось заглатывание всего сплошь. Начался отбор.

Что же ищут люди в океане книг, журналов, новых произведений? Ищут не только то, что может занять, повеселить, дать знания. Ищут человека с его миром идей и страстей, которые всегда неповторимы. Для меня дорога та книга, за которой стоит большой человек. Ради того, чтобы побыть в его обществе, мы еще и еще раз перечитываем знакомые страницы.

Наука приучает к дисциплине мысли и дает возможность насладиться умственной властью над тем, что было темно и непонятно. Искусство, кроме того, вводит нас в познание такого эмоционального, чувственного мира человека, который не поддается выражению в математических символах. Разница между их кибернетическим выражением и самими эмоциями, как мы их ощущаем, та же, что между нотной записью и самой музыкой. Вот почему, как бы далеко ни заходили методы формализованного познания мира, они никогда не заменят, не вытеснят того, что могут дать человеку искусство и художественная литература. Ничто не может образовать в душе человека того наслаждения прекрасным и того сложного чувства, которое дает, например, мощный пластический стиль Толстого или стиль Чехова, отличающийся простотой и непосредственностью, сквозь которую просвечивает добросовестность автора, свободного от тщеславия, когда он говорит о себе, и от пристрастия, когда он говорит о других.

Главное, повторяю, — это человеческое содержание, понимаемое в его всеобъемлющем смысле, когда сливаются воедино и политика, и лирика, и абстракция, и чувство.

Когда мы сопоставляем литературу с научной революцией и приходим к выводу, что средства, которыми оперирует литература, не учитывают тех изменений, которые произошли в психологии читателей, то следует с самого начала резко и определенно отмежеваться от возможной вульгаризации такого сопоставления. Толстого и Бальзака, Гоголя и Стендаля, Чехова и даже Вальтера Скотта читают сегодня куда больше многих современных писателей. Значит, дело не в форме изложения. Суть в богатстве сердца и ума, пластической силе лепки словом. Но мы также совершим ошибку, если оторвем форму от содержания и скажем, что современный писатель может писать в формах еще феодальных времен.

Иногда думают, что искусство принципиально неподвижно, потому что его подлинные ценности вечны. Нет. Меняются формы и стили. Некоторые считают, что описательный роман типа Мордовцева добрых старых времен, медленно влекущий читателя от страницы к странице, без волокиты психологических исследований человека или без поисков какого-либо более энергического стиля, является неизменным достижением литературы. А я считаю, что описательность и малая интеллектуальность многих произведений находятся в противоречии с характером нашей жизни и психологией читателей, формирующихся в новых условиях научной революции.

В сущности говоря, преодоление информационной описательности упирается в поступательное развитие нашей литературы. Просто описывая великие поступки простых людей, мы еще не делаем этих людей великими в художественном аспекте. Художественный образ — не информация, и не случайно, что именно сегодня возникает этот вопрос: какая именно литературная форма наилучшим образом отвечает кипящему, преобразовательному духу современности? Какой же стиль литературы отвечает сегодняшнему стилю эпохи? Это проблема дальнейшего развития социалистического реализма.

Когда-то естествоиспытатель Бюффон сказал: «Стиль — это человек». Сегодня в мир пришел новый человек, строитель коммунизма, который пишется с большой буквы (как это делал Горький). Стиль его великих, революционных дел — это очеловечивание всего, к чему он прикасается. И этот стиль нового Человека должен своеобразно отразиться и на стилях нашей литературы. Революция—не в литературных приемах, но в углублении человечности самой литературы. В этом — философия эпохи.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ТАЙФУН

А. ГУДАЙТИС-ГУЗЯВИЧЮС

КОГДА гид компании «Джалан трэвэл бюро» спел нам по-японски «Вот мчится тройка почтовая», — мы все были очень тронуты. Но вскоре выяснилось, что сделал он это просто для рекламы, дабы с большим успехом показать «товар своей фирмы».

— Слева вы видите самое крупное здание города Токио! — старательно объясняет гид. — А вот там вы видите самую высокую в мире радиомачту, она превышает Эйфелеву башню на целых шесть метров и укреплена так, что может противостоять сильнейшим тайфунам!..

Несмотря на очевидное усердие, наш гид частенько ошибался. Когда мы заинтересовались яркими шарами с плакатами, реявшими над одним из крупнейших зданий Токио, гид пояснил, что это всего-навсего обычные рекламные баллоны. А вскоре мы сами узнали из печати, что это было нечто другое: над редакцией социалистической газеты реяли воздушные плакаты с требованием: «Убрать японского Ли Сын Мана — премьера Киси». Как раз в те дни произошли острейшие столкновения в японском парламенте: протестовавшие против милитаристского соглашения с США депутаты оппозиции по приказу Киси выволакивались полицейскими из зала заседаний.

...И даже если бы туристы мечтали мирно любоваться красотами Японских островов, оторваться от деловой жизни, хотя бы на две недели «забыть о политике», из этого ничего не вышло бы. Политика настойчиво гонялась за нами: умолчания гида были «политикой», и внезапно (по почину одной стюардессы) прозвучавшая на японском языке «Катюша» в автобусе дальнего следования — также была «политикой»,

То, что нас привезли в школу для привилегированных детей, было «политикой», как «политикой» был отказ познакомить нас с университетом и студентами! Все-таки мы сами познакомились с ними — сначала в бывшей древней столице Японии Киото. Студенты шествовали, громко выкрикивая: «Долой Киси!»

— Мы против Киси потому, что мы против американских баз в Японии! — сказали нам студенты Киото. — Мы против атомного вооружения, мы против войны!

До самой полуночи бродила взволнованная молодежь по древнему Киото, прославленному дворцами императоров, буддистскими храмами и монастырями, но ее занимали не реликвии прошлого, а жгучая современность: судьба японского народа, толкаемого правительством Киси на путь новой войны. Покидая площадь, где концентрировались колонны демонстрантов, молодежь пела песню Мурадели о мире, о дружбе народов.

НАШЕЙ группе советских туристов предстоял, так сказать, «звездный маршрут»: мы трижды возвращались к исходному пункту — в Токио, исколесив по дорогам Японии несколько сот километров.

С каждым разом мы забирались все выше в горы, зеленые склоны которых напоминали украинское Предкарпатье. На горном озере, в пустующей гостинице Никко-Канко, мы встретились с «туристами», оказавшимися военными американских баз в штатском. Среди них выделялась одна пара — американский офицер с женой, прибывшие с базы на собственной машине. Он громко повествовал об удаче какого-то своего бизнеса и премило возмущался по поводу усиливавшейся в стране антиамериканской кампании:

— Какие дураки эти японцы! Мы столько строим, так помогаем им своими базами, а они ругают нас, кричат: «Гоу хом!». Откуда такая ненависть?

Когда его спросили, хотел ли бы он подняться с одной из этих баз на «У-2» с таким же заданием, как злосчастный Пауэрс, он поспешил воскликнуть: «О, ноу! Ноу!»...

СНОВА Токио. В Хибио-парке скопилось множество колонн демонстрантов из различных районов столицы. Отсюда они направляются к парламенту. Весь квартал вокруг парламента уже с четырех часов блокирован сплошным живым кольцом. Синие рабочие блузы, черные курточки студентов, пиджаки служащих и всевозможные одежды женщин — от ультрасовременных до традиционных многокрасочных кимоно. На головах — узкие полотняные полоски с иероглифами, обозначающими профсоюзную организацию, на руках — повязки со знаками распорядителей колонн, через плечо во всю грудь — красные и цветные перевязи с лозунгами.

Агитационные фургоны профсоюзов оборудованы громкоговорителями и радиосвязью. Приказания штаба передаются по радио и через связных, которые просачиваются всюду — сквозь любое скопление масс, сквозь любой затор.

Появляются рогожные знамена и плакаты — это прибыли крестьянские группы из предместий Токио.

В сумерках начинается шествие буддистских священников. Они шагают попарно: тридцать-сорок человек в темных одеяниях и гонгообразных соломенных шляпах. Одни несут свечи, другие — плоские бубны, по которым бьют палками. Они также обходят блокированный район парламента и свои заклинания, направленные против политики Киси, подкрепляют ударами в бубны.

Главные ворота парламентского квартала забаррикадированы наглухо деревянными щитами, за которыми установлены бронемашины. Полицейские с автоматами в руках ходят по крышам автомобилей.

Колонна демонстрантов «змейкой» вьется вокруг всего квартала: от тротуара к тротуару поперек улицы, назад и опять поперек улицы. В этой ее медлительности, кажущейся неповоротливости — ее сила, сокрушительная сила! «Змейка» демонстрантов обтекает любое препятствие, поглощает его и минует, не теряя ни своего строя, ни своего наступательного темпа.

«Долой Киси! Долой Киси! Долой Киси!» — быстро в унисон выкрикивают демонстранты и в том же темпе продвигаются короткими шажками. Они образуют гибкие ряды, взяв друг друга под руки, бегут «в такт», внимают точным указаниям сотских и колонновожатых, которые движутся с ними в ногу и скандируют: «Долой Киси! Долой Киси!». Могучая масса спаянных узами рук людей рвется вперед, извивается, клокочет, рычит!

Это напоминает вихрь, напоминает тайфун...

По тротуару ведут пострадавших со следами крови на лице...

Молодые девушки с горящими глазами раздают листовки: «Долой военного преступника Киси!», «Сокрушим проамериканский договор!..»

Распорядители колонн с яркими перевязями через плечо торжественны, как депутаты революционного конвента... На небольшой площадке целая группа таких уполномоченных: это, действительно, депутаты — коммунисты и социалисты. Они собирают подписи под петициями против ратификации договора. За их спинами — два ряда полицейских. В серых кителях и шапках с ремешками под подбородком они в два и три ряда стоят вокруг всей ограды парламентского квартала. Там, где ограда низка, они вбивают в газоны колья и вытягивают дополнительные ряды колючей проволоки. Чудовищное зрелище — колючая проволока на стволах магнолий и криптомерий.

А перед оградой — тесные колонны демонстрантов. Хрупкая девушка запевает, и многоголосый хор демонстрантов покрывает шум улицы «Интернационалом».

Строгие восковые малоподвижные лица. Но какие глаза у демонстрантов, когда они поют «Интернационал»! Это глаза, загоревшиеся пламенем борьбы, это лица, воодушевленные решимостью, преисполненные волей к победе.

Уже совсем темно. Гигантское кольцо вокруг парламента вспыхивает огнями: заранее припасенные бело-красные фонарики и факелы, электрические «дневные» светильники и прожектора. Напряжение только усиливается, громче звучат голоса, теснее становятся ряды...

Двести тысяч демонстрантов!

Они забаррикадировали не только весь квартал, но и личную резиденцию премьера Киси, который оставался в осаде до полуночи, до того момента, когда демонстранты, прорвав колючие заграждения и ряды полицейских, вторглись на территорию парламента и забросали окна камнями.

Киси пригрозил строгими наказаниями всем, кто принимал участие в демонстрациях.

Но народ нельзя запугать! На эти угрозы студенты ответили решением бросить учебу, если Киси не уйдет в отставку! Профессиональные союзы выдвинули предложение объявить всеобщую стачку, свергнуть правительство Киси:

«Военный преступник Киси должен уйти! Смерть проамериканскому договору!»

15 ИЮНЯ полицейские Киси расстреляли народную демонстрацию в Токио.

Они ранили, изувечили тысячу студентов! Они убили Митико Канда — студентку литературного факультета Токийского университета, — она шла в первых рядах студенческой колонны.

Кровавая расправа с трудящимися Токио отдается болью в сердце, и кровь гневно закипает! Как слепы, как безумны всякие «Киси на час»! Нельзя убить народ, нельзя сломить народ!

Убийца Киси бессильно вздевает окровавленные руки к своему хозяину: он не может обеспечить Эйзенхауэру безопасность, ибо ярость народная обратила в пепел все заграждения и баррикады из полицейских броневиков! И это еще не конец: необычайный тайфун, тайфун всенародного возмущения набирает силу.

Вот она, американская помощь! Таких голодающих детей на Гаити немало...
Снимок из журнала «Сатердей ивнинг пост»

ПОД СЕНЬЮ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

ГАИТИ—СТРАНА НЕСЧАСТИЙ...

ГАИТИ, маленькая страна в Карибском море, граничит с Доминиканской Республикой. Американская печать называет ее «единственной независимой негритянской республикой в Латинской Америке». На деле же это — фактическая колония Соединенных Штатов, форпост Пентагона на подступах к земле воевавшей свободу и независимость Кубе. Диктатор Дювалье послушно выполняет волю американских милитаристов. И когда народ пытается поднять голос протеста против бесправия, против нищеты, — на помощь к Дювалье спешат отряды американской пехоты. Так было в феврале нынешнего года, когда в Доминиканской Республике зашатался режим тирана Трухильо. «Как бы народ Гаити, — боялись в Белом доме, — не последовал примеру своих доминиканских соседей, как бы свет кубинской революции не осветил жизнь негров на этом острове!..»

Недавно американский журнал «Сатердей ивнинг пост» поместил статью, посвященную положению на Гаити. В ней содержатся любопытные признания. «Хотя Гаити — единственная негритянская республика в Западном полушарии, — пишет журнал, — расположена всего на расстоянии трех часов лету от Флориды, она во многом напоминает черную Африку прошлого века. В наши дни мало стран, которые были бы столь обнищавшими, слаборазвитыми и глубоко несчастными. Население, состоящее из 3 500 000 негров и 200 000 мулатов, на 90 процентов — неграмотно». Журнал рассказывает о постоянных эпидемиях, антисанитарии, нищете... «Страна несчастий» — называет ее журнал.

Да, это верно. Гаити, где хозяйничают американские монополии, где орудуют продажные правители, действительно страна горя. Но с какой точки зрения это тревожит американский буржуазный журнал? Почему он бьет тревогу?

Ответ содержится в самой статье. Ее автор не скрывает страха, что подъем национально-освободительной борьбы, пример Кубы могут привести к взрыву на Гаити.

Соединенные Штаты заинтересованы в сохранении Гаити «в качестве постоянного проамериканского противовеса» Кубе, пишет «Сатердей ивнинг пост». «До тех пор, пока темнокожие являют зрелище страшной нищеты у самого нашего порога, как можем мы убедить других цветных, что демократия необходима и для них? Гаити должно стать рекламной витриной, через которую африканцы и азиаты смогут увидеть концепцию свободного мира...» — с предельным цинизмом пишет журнал.

Какой же рецепт предлагает «Сатердей ивнинг пост»? Все может быть сделано при помощи долларов, еще большего количества долларов, ибо почти 13 миллионов уже были предоставлены США правительству Дювалье. Распределением части этого «дара» занималась американская фирма «Клейн энд Сакс», выполнявшая роль финансового советника при правительстве Гаити. О результатах американских благодеяний можно судить по признаниям «Сатердей ивнинг пост»: нищета, голод, эпидемии. Не потому ли, что, по указанию Пентагона, большая часть средств расходуется на полицейский аппарат, охраняющий Дювалье (когда диктатор присутствует на публичных собраниях, признает журнал, полицейские следуют за ним по пятам, а его дворец представляет собой крепость под охраной 400 солдат), на содержание американских войск, военной миссии США, на постройку стратегических дорог, аэродромов и военных складов?

Военная миссия США, возглавляемая полковником Робертом Д. Хейнлом, занимается тренировкой гаитянской армии, которая обеспечивает штыками пребывание у власти диктатора. «Дювалье понимает, что, помимо подготовки хорошо тренированных войск, одно лишь присутствие американской военной миссии на Гаити служит ему моральной поддержкой и обескураживает его внутренних и внешних врагов, — пишет журнал. — И все же, несмотря на американскую поддержку, восстание может снова вспыхнуть и свалить Дювалье. Пуля террориста может положить конец его господству. Поэтому, утверждая посылку военной миссии США на Гаити, государственный департамент смотрел вперед. Если какое-либо несчастье постигнет Дювалье, если его полномочия придут к концу обычным порядком, армия возьмет на себя всю полноту власти вплоть до новых выборов. Вашингтон надеется, что гаитянская армия будет не только подготовлена к сохранению порядка, но сумеет более решительно ориентировать страну в пользу Соединенных Штатов...».

Вот как выглядит «независимость» под сенью Соединенных Штатов! Не подумайте, однако, что «Сатердей ивнинг пост», рассказывая о нищете населения, критикует политику США. Отнюдь нет. По мнению журнала, политика хороша, но следует вкладывать еще больше средств в экономику страны. И дело тут вовсе не в заботе о народе. «Какие выгоды могут извлечь Соединенные Штаты? — спрашивает журнал. — Материальные перспективы, хотя и не дадут немедленных результатов, но их не следует недооценивать. Если Куба, как предлагает сенатор Гомер Эйпхарт, будет исключена из списка поставщиков сахара для США, то гаитянская сахарная промышленность смогла бы восполнить этот пробел. Согласно данным американских горнорудных компаний, Гаити обладает нетронутыми запасами ценных минералов. Среди них — нефть, марганец

Такова программа «Сатердей ивнинг пост» и тех, чьи интересы отражает этот журнал: нещадная эксплуатация природных богатств, послушный правитель, покорный народ, полный отказ от независимости и рекламная витрина напоказ...

Крокодиловы слезы журнала «Сатердей ивнинг пост» по поводу судьбы «бедных гаитянцев», как видите, дешево стоят...

А. Б.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Леонид ЛЕНЧ

Хитроумный Робинзон

ГЕРОЙ бессмертного романа Даниэля Дефо попал на необитаемый остров в результате кораблекрушения. Потом, как известно, у него появился Пятница.

Днем Робинзон и Пятница доили и стригли коз, а по вечерам смотрели концерты художественной самодеятельности местных обезьян. В общем жили неплохо, создавая своими трудолюбивыми руками цивилизацию на диком острове.

И все-таки Робинзон не чаял, как покинуть этот малонаселенный островок. Добровольно он, наверное, не решился бы обосноваться там.

Впрочем, я не собираюсь упрекать за это Робинзона Крузо. Это было бы несправедливо и просто глупо.

Я вспомнил о милейшем Робинзоне Крузо лишь для сравнения с робинзонами нашей эпохи.

Сейчас робинзонами становятся запросто. И к тому же совершенно добровольно. Во всяком случае, в Англии.

Абсолютно незачем для этого тащиться куда-то к черту на рога и терпеть кораблекрушение. Джентльмен берет чековую книжку, надевает макинтош и отправляется в соответствующую контору.

— Что вам угодно, сэр?

— Хотел бы приобрести небольшой островок. Миль за пятьдесят от побережья.

— Пожалуйста, сэр. Вот — проспект. Обратите внимание на этот островочек: и форма приятная, и лесистый.

— Не сыро?

— Что вы, сэр! Все время солнце!

— И во сколько это мне обойдется?

— Десять тысяч фунтов стерлингов, сэр!

— Заверните!

Многие состоятельные англичане, уставшие от массовости современной городской жизни, дали, как говорится, тягу на такие маленькие острова, забрав с собой жен, детей, автомобиль и пару-другую белокожих Пятниц в качестве кухарок, нянек и горничных.

Но не только от шума городского рвутся они в робинзоны.

Журналистка Ольга Франклин поделилась своими впечатлениями в газете «Дейли мейл» от визита на остров Херм к «королю Херма» — так называют владельца острова, отставного майора английской армии Питера Вуда.

Оказалось, что этот современный Робинзон одет не в звериные шкуры, а в элегантный твидовый костюм. На голове — шикарная шляпа. Для первобытности мистер Вуд отпустил бороду, но она у него аккуратно подстрижена.

Многокомнатная хижина Питера Вуда обставлена прелестной мебелью стиля модерн. Всюду — ковры.

Особенно поразила воображение журналистки кухня современного Робинзона — царство хромированного металла и электрических бытовых машин.

Оказалось также, что современный Робинзон — это прежде всего преуспевающий делец. Его годовой оборот — 70 тысяч фунтов стерлингов. Ему принадлежат гостиница, таверна, лавка сувениров, моторные лодки. Он печатает свои почтовые марки и производит посуду из местных материалов. Кроме того, торгует молоком.

За четыре года жизни на острове оборотистый новый Робинзон руками своих Пятниц создал себе уютное высокодоходное гнездышко с собственной электростанцией и телефонным узлом.

Журналистка задала «королю Херма» естественный и логичный вопрос:

— Мистер Вуд, стоило ли вам переселяться сюда, чтобы развивать здесь, на этом тихом острове, такую бешеную деловую суетню? Ведь дела можно делать и там, на больших островах?

Король Херма хитро прищурился и ответил:

— Я переселился сюда в основном потому, что этот островок находится вне радиуса действия какой бы то ни было атомной бомбы. Здесь я спокоен за себя и за свою семью!

Итак, современный Робинзон на поверку оказался самым ординарным буржуа с самой примитивной моралью. После меня хоть потоп! Вы там как хотите устраивайтесь насчет атомной бомбы, а я укроюсь на островке. И подзаработаю кое-что под шумок «холодной войны».

Отставному майору Питеру Вуду в свободное от торговли молоком и ракушечными сувенирами время не мешало бы кое-что почитать про современные бомбы и ракеты.

Если уж чудовище ядерной войны вылезет из своего логова, оно настигнет всякого и везде.

Не хочешь, чтобы дракон сожрал тебя — выбей у него зубы. Боишься атомной бомбы — добивайся ее запрещения. Считаешь себя честным человеком — участвуй во всенародной борьбе за мир и доверие. Никому путь не заказан. В том числе, конечно, и новым современным Робинзонам.

Только так, предусмотрительный мистер Питер Вуд, вы сможете сохранить на своем острове себя и свою семью. И свой бизнес к тому же!

СЦЕНА ИЗ ОТНЮДЬ НЕ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ. Участники не только поют, но и несут плакаты: «Айк, убирайся!», «Нам не нравится Айк!» и прибегают к еще более увесистым аргументам.

Рисунок художника Иллингуорта из английской газеты «Дейли мейл»

РЫЦАРИ РАКЕТНЫХ БАЗ

«На скамьях восседали прекрасные дамы, сняв варварским великолепием одежд, и смотрели, как сбрасывают с коня рыцаря, проколов его насквозь копьем толщиною в лодыжку, как на него хлещет кровь, и не только не падали в обморок, а хлопали в ладоши и левши друг на дружку, чтобы лучше видеть...»

Так, по словам Марка Твена, проходили рыцарские турниры в VI веке при дворе короля Артура. Однако это «благороднейшее времяпровождение» ныне снова вошло в моду в Англии. И дело вовсе не в средневековой романтике. «Королевский турнир», который проводится ежегодно с 22 июня по 9 июля, этот эффектный военный спектакль, преследует довольно конкретные цели. Как говорится в брошюре, недавно распространенной по указанию ответственного за «королевские турниры» генерала Бериса, «королевский турнир проводится в предвкушении эры ракетной войны; истребительная авиация королевских воздушных сил живо это проиллюстрирует... будет показана оборона ракетной базы».

Рыцарь ракетного образа, вас приветствует за-за океана ваш духовный брат — министр обороны Гейтс! Если бы речь шла только о том, что вы можете проколоть копьем друг друга, зрители готовы были бы левть друг на дружку, чтобы посмотреть на это. Но затеваемые вами игры куда опаснее...

У НАС В ГОСТЯХ — БРАНКО ЧОПИЧ

На днях в Москву прибыл известный югославский писатель Бранко Чопич с супругой. Советские читатели хорошо знакомы с его романом «Прорыв» и серией рассказов «Случаи из жизни Нико летины Бурсача».

В Союзе писателей Бранко Чопич был принят А. Сурковым. Гость посетил редакцию журнала «Иностранная литература», осмотрел московские музеи, побывал в университете на Ленинских горах, на новостройках столицы. Писатель пробудет в Советском Союзе около месяца, он совершит большую поездку по стране.

15 июня Бранко Чопич и его супруга выехали на Украину.

За рубежом

МИФОЛОГИЯ АБСУРДА

В ОБЫЧНЫЙ воскресный полдень провинциальный городок, каких на свете великое множество, был повергнут в смятение. В то утро любители выпить, как всегда, спустились посидеть за столиком соседнего кафе в надежде ранней рюмкой рассеять хмель после субботних излишеств, а хозяйки отправились за покупками в ближайшую лавку. Когда же они с нагруженными сумками возвращались назад, по главной улице пронесся... носорог, оставляя за собой клубы пыли и раздавленных кошек, неосмотрительно попавшихся ему на пути. Встревоженные горожане собрались было обратиться с жалобой к властям, но на следующий день обнаружилось, что жителей постигла эпидемия неведомой дотоле болезни «носорогерита»: люди превращались в носорогов и на четвереньках разгуливали по улицам, издавая пронзительный рев.

Сначала жажда превратиться в животных обуяла тех, в ком было больше всего чванства и наглости, но вскоре вслед за ними потянулись и все остальные. Женщина, выйдя на улицу, вдруг услышала за спиной топот и фырканье носорога, который оказывался ее супругом, накануне уехавшим погулять за город. Чиновник, зайдя проведать захворавшего друга, в изумлении наблюдал, как буквально на глазах кожа его знакомого зеленела и становилась шершавой, на лбу вырастала рогообразная шишка. Вскоре на весь городок остался лишь безобидный господин Беранже, не потерявший человеческого облика. И этому покинутому всеми мирному обывателю французский драматург Эжен Ионеско доверил дать ответ на вопрос: какова позиция человека перед угрозой почти мистической тяги обратиться в скотов, охватившей его сограждан?

Фантастическая история, рассказанная Ионеско в «Носороге», сначала поставленном в Западной Германии, а затем весной 1960 года в парижском театре Одеон, известным режиссером Жаном-Луи Барро, не так уж нова. С тех пор как предтеча современных модернистов Франц Кафка поведал о переживаниях мелкого служащего, однажды утром превратившегося в омерзительного таракана, столь удивительные метаморфозы стали своего рода «бродячим сюжетом». Самый жанр подобных философических притч как нельзя лучше подходил для декадентских откровений. Ибо новейшие подражатели Кафки презрительно отвергли как якобы «устаревшую» проблему «личность и общество», выдвигаемую художниками-реалистами, заменив ее совершенно мистифицированной схемой человек и бог, человек и рок, человек и универсальное бытие. Тем самым протест против социальной несправедливости, так тревоживший буржуазию в искусстве, был благополучно «снят», и на место ему пришел совершенно бесцельный и, главное, безопасный бунт против извечного (а значит, и неизменного) несовершенства человеческой природы. В результате писатели-модернисты провозгласили себя создателями метафизической мифологии, составленной из аллегорических притч, в которых нелепая ситуация призвана продемонстрировать первозданную абсурдность мира, и герой — отнюдь не конкретная личность, а всего лишь иероглиф абстрактного, лишенного всяких исторических и психологических примет «человека вообще».

Утверждению такого рода притч на театральных подмостках и посвятили себя драматурги-«авангардисты», выступившие во Франции лет десять назад. Они обрушили на зрителя поток устрашающих зрелищ, одновременно примитивных в своей бытовой обыденности и гротескно-бредовых, полных намеков на некий неведомый смысл, и совершенно бессмысленных. На сцене выкрикивали что-то невнятное обрубки людей, почему-то заткнутые в помойные ящики; раздавалось сбивчивое бормотание оцепенелых паралитиков, запертых в комнате, в окна которой проникает смрад от тления останков чем-то сметенного с лица земли человечества; здоровые же проделывали невероятные манипуляции, безуспешно ловчась поймать какие-то предметы, время от времени спускавшиеся на нитке с потолка (Семюэль Беккет «Конец игры»); супружескую чету вытеснял из комнат труп пятнадцатилетней давности, обладавший способностью расти в геометрической прогрессии (Эжен Ионеско «Как от него избавиться»). Шумно разрекламированные «новаторы», начисто порвавшие с драматической традицией, — будь то социально-бытовая или психологическая пьеса, сатирическая комедия или философская трагедия, — очень скоро были узаконены критикой как творцы некоего «антитеатра», и их «антипьесы» ныне уже обошли сцены многих капиталистических стран.

Впрочем, «авангардизм», подобно многим модернистским группам XX века, едва появившись на свет, уже обнаружил симптомы кризиса, и сейчас Ионеско в своих пьесах «Убийца без жалования» и «Носорог» старается спасти «антитеатр», введя в абстрактно-метафизическую притчу намеки на весьма злободневные события наших дней.

В самой ситуации, избранной Ионеско в «Носороге», в репликах персонажей нетрудно уловить достаточно прозрачные намеки на события недавней истории, на до сих пор имеющие хождение теории, служащие идейным оправданием человеко-ненавистничества. Между господином Беранже и его другом Жаном, твердо решившим стать носорогом, происходит примечательный разговор:

«Жан. — Мораль! Чего ради распространяться о морали, хватит с меня морали!.. Мораль надо преодолеть.

Беранже. — Что же вы поставите на ее место?..

Жан. — У природы есть свои законы. Мораль — противоестественна.

Беранже. — Если я понял, вы хотите заменить нравственность законом джунглей!..

Жан. — Надо перестроить основы нашей жизни! Надо вернуться к первозданной цельности».

Эти слова вполне проясняют карикатурную символику пьесы, и Жан-Луи Барро не без оснований сопроводил свою постановку музыкой, в которой в носорожий рев все время врываются обрывки нацистских маршей.

Вконец разъяренный рассуждениями Беранже о разуме, цивилизации и гуманизме, Жан презрительно бросает в лицо собеседнику: «Гуманизм отжил свой век. Вы — старое сентиментальное посмешище».

И хотя герой Ионеско не хочет согласиться с этой «отходной гуманизму», вложенной в уста агрессивного «античеловека», тем не менее весь ход пьесы призван укрепить в зрителе мысль, что перед натиском носорожьего стада неизбежен распад всяких общественных и человеческих связей. Не говоря уже о гражданской солидарности, которая в глазах Ионеско — всего лишь карточный домик, на крушение обречены дружба, любовь, и в последней сцене возлюбленная Беранже после страстных клятв и призывов к мужественному сопротивлению признает окружающее безумие «высшей мудростью», а носорожий рев — прекрасной музыкой. Замкнутость личности в скорлупе своего одиночества или растворение в стаде, в толпе — таков, по Ионеско, единственный выбор, перед которым оказывается всякий человек.

Дольше всех сопротивляется искушению «оносорожиться» Беранже. Заткнув уши, запершись на ключ, он в ужасе и растерянности мечется по комнате, стены которой сотрясают топ и рев носорогов. Но вот его взгляд падает на зеркало, повешенное рядом с окном, куда заглядывают омерзительные рожи его бывших соседей. И он вдруг со страхом отшатывается: собственное лицо начинает казаться Беранже воплощенным уродством, ибо лоб его плосок и кожа не похожа на шершавую зеленоватую кору. И тогда он пытается взреветь по-носорожьи. Но слишком поздно: счастья сбросить с себя человечью личину ему не дано. Беранже в отчаянии выкрикивает последнюю реплику, в которую и сам-то вряд ли верит: «Против всего мира — я буду защищаться... Я — последний человек, и я буду защищаться до конца! Я не сдаюсь!»

Итак, царство потенциальных скотов, готовых в любую минуту отречься от всего человеческого, и затерянные в нем немощные и отвергнутые всеми одиночки — таков, по Ионеско, современный мир, захлестнутый стихией зла. Тщетно мечутся эти «последние могикане» человечности между стадным влечением уподобиться всем остальным и неспособностью это сделать: ведь герой Ионеско все равно бессилен отстоять какие бы то ни было гуманистические ценности. В душе он уже капитулировал, смирился, признав носорогов — нормой, а собственное человекоподобие — аномалией.

В сущности, только заключительный трюк драматурга отделяет Беранже от принятия морали бессильных: «с носорогами жить — по-носорожьи реветь».

В двусмысленности заключительной сцены — шаткость, путаность позиций, крайняя смятенность мировосприятия Ионеско. Трагикомический фарс «Носорогов» — одновременно и попытка создать антифашистский памфлет на театральных подмостках, и метафизическая притча, призванная выдать философию примирения за постижение неких сокровенных «истин» бытия. Ионеско, иронизирующий над своими героями, которые вместо выяснения причин грозящей всем опасности предаются пустопорожним словопрениям о том, какие носороги — африканские или азиатские — появились в городе, и сам оказывается в подобном положении: истинные источники заразы остаются вне поля его зрения.

С. ВЕЛИКОВСКИЙ

ЧЕРНЫЕ ПРИЗРАКИ

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

по-моему, некомсомольского возраста. Как ее увязать с нашей работой?

Из глаз молодой женщины вдруг глянул на нас незабвенный Оптимистенко с его нетленным «увязать и согласовать».

Была, правда, попытка сразиться с сектантами. В прошлом году два представителя Валуйского райкома партии осторожно ступили на порог предыбайловского дома, где собрались для очередного «радения» пятидесятники. Гнездо, было, всполохнулось... Но гости из райкома, заняв наблюдательную позицию у стены, с завидным терпением высидели всю программу радения «трясунов», а едва она кончилась, двинулись, облегченно вздохнув, к выходу, считая свое «атеистическое мероприятие» законченным.

Вслед им насмешливо зазвенел голос разбитной, обнаглевшей пророчицы:

— А что, гости дорогие, вопросиков к нам не будет?

Гости, растерянно поморгав, ответили, что вопросиков не будет...

Вся атеистическая работа в Валуйках, по сути дела, возложена на плечи местного пропагандиста Петра Сергеевича Шаповалова. Это, правда, большой энтузиаст, но «плохо человеку, когда он один»...

Были случаи, когда борьбу с сектантством сводили в Валуйках к мерам, явно ошибочным: попросту снимали с работы человека. Никакой возни, кропотливой работы, требующей знаний и сердца, терпения и энтузиазма...

Самым нелепым представлялось мне убеждение некоторых местных старожилов, что-де ничего с сектантами не поделаешь. Вроде это болезнь какая-то неизлечимая. Вот почему меня так порадовал разговор с одним пареньком, приезжим из Октябрьского района.

— Тоже мне страховидина — Предыбайло!.. — услышала я от него. — Вы бы на нашего Кайдалова подивились! Вот где страх был...

— Был?

— Был... А как же? Неужто терпеть такое? Наш Октябрьский район самым зараженным считался, но мы пошли на сектантов штурмом... Поедемте, посмотрите...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

...На маленькой станции шумно: ватага парней-насмешников, видно, шоферов, в ожидании своей электрички осаждали тощего тонконого дедка с козлиной бородкой, прижимающего к впалой груди бутыль с прозрачной жидкостью, как выяснилось, «святой водой» от местной знахарки «бабки Маши».

— Вы бы, дедушка, еще к брату Якову подались за лекарством от ревматизма, — пошутила белокурая молодая женщина с синими добрыми глазами, проходя мимо по дороге в Октябрьский поселок, — у Якова Кайдалова вот такая бородища! Как пощекочет ею, все хвори снимет враз.

Кайдалов... Кайдалов... Своего рода знаменитость среди белгородских «трясунов»... Догоняю белокурую женщину:

— Скажите, вы видали когда-нибудь главу здешних пятидесятников Якова Кайдалова?

Она смотрит на меня, и губы ее трогает печальная улыбка:

— Знаю ли? Еще бы! Ведь я в здешней секте сколько времени жизни потеряла! Мужа бросила «святого духа» ради. Да, не удивляйтесь — перед вами бывшая сестра во Христе... А вообще-то меня зовут Нина Панченко. Я на сахарном заводе работаю... Если интересуетесь насчет секты, могу кое-что рассказать. Только пойдемте ко мне, а то увидит в окошко Александра Черняева, и выскочат вместе с нею на улицу бывшие сестры во Христе, и пойдет, как всегда: — Отступница, дьяволица! Много тебе партейцы-антихристы дали, чтоб от Христа отреклась?

Моя собеседница повторяет эти слова и вдруг, прижимая руки к груди, горячо говорит:

— А вы знаете, ведь действительно бесконечно много дали мне эти «антихристы»: жизнь человеческую вернули... такая я благодарная...

В народе главарей сектантов прозвали так же, как жуликов, — «сухопутные рыбаки». «Рыбачить» в здешних местах брат Яков начал много лет назад. Сначала ставил свои верши для уловления душ только в поселке Октябрьском и селе Отрадном, которое «трясуны» считают своей «ставкой». А после с помощью божьей и также Александры Черняевой и Афанасия Нестеренко, известного пьянчужки и хулигана, принялись и за более отдаленные точки Белгородщины — села Ольховатку, Наумовку, Кобелевку. А сам брат Яков пытался также «спасать души грешников» даже на расстоянии, для чего завел усиленную переписку с гражданами Литвы и Дагестана, Ставрополья и Кубани, Калужской и Московской областей... Время от времени он совершает и поездки с вербовочной миссией. Высоченная мрачная фигура его в темном костюме и еще довольно прямая, несмотря на немалые годы, хорошо известна многим жителям Харькова, Курска, Белгорода, Сум и даже Москвы.

Впрочем, есть в Сибири местность, где его помнят и безбородым: здесь знаменитый глава «трясунов» некогда предстал не «вместилищем святого духа», а самим собой: бывшим кулаком, уличенным в контрреволюционной деятельности.

Коллега Нины Предыбайло — несравненно более зловещая и опасная фигура, чем валуйская пророчица: он более грамотен, более красноречив, более хитер. Проповедь и действия его носят весьма целеустремленный характер. Похоже, что «святой» неуклонно стремится осуществить давно выношенный, обдуманный им в подробностях страшный план. Он потребовал от верующих, чтобы они не только сами регулярно, даже ценой прогулов в рабочее время, посещали моления, но и приводили с собой детей.

Педагоги отрадненской школы все чаще отмечали в классных журналах против фамилий школьников Шерстюковой, Черняевых, Нестеренко, Самойловой — «отсутствует».

А торжествующий Кайдалов составлял между тем «программу» своего обучения. Сектантский главарь сознавал, куда целится: молодежь ему подавай — незрелый, восприимчивый ум, мягкую, как воск, волю...

В толстую общую тетрадь заносил он бесконечный ряд вопросов, так сказать, на повторение пройденного. Среди ветхозаветных вопросов, ответы на которые должны были заменить школьникам «греховную муть» естествознания, конституции, литературы, есть даже и сочиненный им водевиль на религиозную тему под названием «Юность». В нем, грубо высмеивая всякую попытку атеистической пропаганды, автор дает в беллетризированной форме рецепт вербовки молодежи в секту. Подготовил он и с десяток экземпляров стишков для разучивания ребятами и взрослыми. Стишки следующего загробного содержания:

Нет, счастье мира — призрак ложный,
Всегда кружит он нас во мгле
Не забывай же, прах ничтожный,
Ты лишь прохожий на земле.

И дети, утром в школе произносившие вслух прекрасные горьковские слова: «Все — в человеке, все для человека!» — должны были бы вечерами тянуть за братом Яковом:

Не забывай же, прах ничтожный,
Ты лишь прохожий на земле...

Но болезнетворные микробы, как известно, развиваются лишь в подходящей для них среде, а в неподходящей гибнут.

В предчувствии больших неприятностей заметался брат Яков, неожиданно получив приглашение на родительское собрание в отрадненской школе. Он уже успел узнать, что Октябрьский райком партии созывает это собрание по требованию жителей поселка Октябрьского и села Отрадного, взволнованных судьбой, уготованной для детей сектантов.

— На суд общественности изуверов! — вот как звучало это требование. Узнал Кайдалов и о том, что на собрание приглашена «отступница» Нина Панченко. И тогда он решился.

Вслед за ним пообещали явиться и другие члены секты.

...Набитая до отказа комната отрадненской школы, где началось в полдень необычное собрание. Нет, слово это не выражает той схватки в открытую, того боя лицом к лицу, что шел в тот день в школе.

Сектанты, явившиеся на «мирское сборище», сидели, сгрудившись вокруг своего главаря — Якова Кайдалова, пораженные необычным стечением народа. В напряженной тишине звучали выступления преподавателей отрадненской школы и поселковых жителей о горьких переменах в судьбе школьников Жени Нестеренко, Гали Шерстюковой, Тани и Гали Черняевых с тех пор, как секта приосенила их черным крылом. Они стали запуганными. На уроках пения не смели рта раскрыть: им строго запретили в секте разучивать «грешные» песни о Родине, дружбе; комсомоле... Уходя домой, ребятишки снимали с себя пионерские галстуки и прятали, чтобы дома не выпороли за «антихристов знак»...

Собравшиеся возмущенно зашумели:

— Если будут так измываться над детьми, ученью препятствовать, мордовать, — похлопочем, чтоб взяло государство от вас детей...

Предложение было занесено в протокол, и побледневший отец Гали Шерстюковой встал с места:

— Та пусть Галка учится — не буду препятствовать, ладно, — буркнул он, не обращая внимания на колючие взгляды брата Якова.

Кайдалов ерзал на месте и время от времени цедил сквозь зубы:

— Нажимаете на верующих? Ладно... Мы от своего не отступимся, мы еще за божье дело постоим... А о секте вы знать ничего не знаете... Все сплетни... Все наветы...

И тогда медленно поднялась со своего места Нина Панченко:

— Я знаю о секте все, — звонко произнесла она. — Я все расскажу сейчас. Как сошел с ума на радениях Никифор Подпорин, из которого до тех пор беса изгоняли, пока за ним карета не приехала и в курскую психиатрическую больницу не увезла... И как сына Золотухиных уговаривали от службы в армии уклоняться, и как «святая» сестра Александра развратничает. А главное, как насквозь лживо учение пятидесятников о том, что не сегодня-завтра «свет клином сойдется», а потому, мол, бросай дела — и общественные, и домашние, — все они стали бесполезными. Они, пятидесятники, лживо обещают людям вечное блаженство на том свете за ту ужасную жизнь, что предлагают им на этом. Вот и адресок места «вечного блаженства» дают: город гора Сион, Библейская область, Евангельский район, улица Узкая... Но уж очень узка эта улица, товарищи! И ведет она в затхлый тупик... Крепостные толстые стены отделяют ту улицу от нашей, на которой человек дышит в полную грудь! Надо штурмовать эти стены, и, кажется, сегодня пробита первая брешь!

Брат Яков бешено раздул ноздри. Но возразить было нечего, а проклинать не место...

Вот именно с того дня и начались у него неприятности, так сказать, «по работе». Уходить стали люди из секты...

Желчные, угрюмые текут нынче под морщинистым желтым лбом мысли.

Трудней вырывать ростки «дьявольских сомнений», пробивающихся в душах верующих после «нечестивых бесед» с мирскими — «главным пропагандистом района» Н. Скурыдиным, учительницей отрадненской школы М. Маклаковой, шофером Г. Соколовым, мужем бывшей сектантки Панченко, старым коммунистом И. Филатовым — всеми этими неугомонными партийными и беспартийными «антихристами».

И уже поползли по району упорные слухи, что в конце концов привыкшему за много лет к паразитическому образу жизни брату Якову придется все же на старости взяться за прежнее плотницкое ремесло...

ГОРЯЧАЯ ЭСТАФЕТА

Хорошее дело, начатое октябрьцами, сразу же нашло приверженцев в Корочанском районе на Белгородщине. Здесь, в Мичуринском отделении совхоза, состоялся суд над сектанткой-изуверкой Степанидой Жабиной. Эта женщина, затиснутая в узкое кольцо идей и мыслей так называемых истинно-православных христиан, уничтожила все имевшиеся в ее доме документы, бросила работу в совхозе и побоями, насильно отлучила от школы своих детей — Анну и Алексея. Отказавшись получать причитающуюся ей за мужа пенсию, Степанида пыталась посылать детей за милостыней в соседний район. Забитые, голодные, больные дети нашли защиту у соседей... Наконец, доведенный до отчаяния Алексей Жабин написал в межрайонную прокуратуру письмо на имя прокурора Долгушина: «Мы босые и голые, без куска хлеба и копейки денег. Ночую я у рабочего Куртынина, обедаю где придется, тайком хожу в школу... Я очень хочу учиться, поэтому прошу вас помочь мне в этом. Чем мы хуже других детей!»

Состоявшееся 26 февраля профсоюзное собрание совхоза единогласно приняло решение: «Просить комиссию по устройству детей и подростков при райисполкоме отнять детей у матери-изуверки...»

Я увидела Жабину в тот день, когда народный суд, лишивший ее материнских прав, прислал за детьми машину. Страшная, изможденная, по-звериному оскалившаяся, с черно-седыми растрепанными космами, подбежала Степанида Жабина к машине, сжимая в руке бутылку с кислотой и целясь ею в ветровое стекло машины. Ее не останавливало то, что она может повредить собственным детям, уже сидящим внутри, ей было жаль не того, что она расстается с ними, а того, что ребята попали в руки «антихристов».

Но не только физический вред успела нанести секта детям. Она попыталась замутить их светлый взгляд на нашу жизнь, привить враждебное отношение к ней. И когда мы вместе с секретарем партийной организации плодово-ягодного совхоза Михаилом Федотовичем Калашниковым зашли в детский дом проведать детей, девятилетняя Анна сказала нам:

— Мне тетеньки говорили... будто скоро мор пойдет на нас и в совхозе на зарплату только по три ложки муки давать будут — кулеш заколотить... Правда это?

Калашников разубеждает ее обстоятельно, по-взрослому.

Мы выходим на улицу. Калашников затягивается папиросным дымом и говорит:

— С детишками — порядок... А знаете? Первыми за них биться комсомольцы начали — кипятковая у нас молодежь, мировая... Особенно вожак их — Коля Лопин... Да, это сражение мы выиграли... А только победу рано фанфарить, я так думаю... Клуб у нас слабенький — взбодрить его надо, это в нашей борьбе важный козырь будет... Библиотеку вот думаем встряхнуть... Пусть конференции по обсуждению антирелигиозной литературы устраивают... Все силы в кулак стянем... В сотни глаз все глядеть будем... Сгинут эти черные призраки — сектанты. Помяните мое партийное слово.

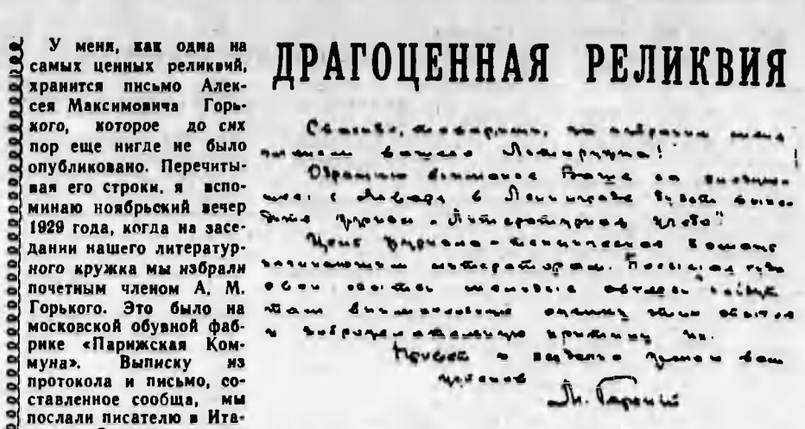
Улыбается... Улыбка у него очень хорошая — широкая, искренняя.

Да, прав Калашников, мечутся, чуя недоброе, черные призраки, но победу фанфарить и вправду рано. Вот сейчас, когда спускаются на Белгородщину сумерки, опять, должно быть, в Валуйках, на Казацкой улице звучит, сжимая тоской и гневом сердце:

— Блаженны нищие духом....

...Зажигаются, прорезая сумерки, красные звездочки на белгородской телевышке. А за ними вспыхивают и обыкновенные — небесные.

ДРАГОЦЕННАЯ РЕЛИКВИЯ

«Спасибо, товарищи, за избрание меня членом вашего Литкружка!

Обращаю внимание Ваше на следующее: с января в Ленинграде будет выходить журнал «Литературная учеба».

Цель журнала — техническая помощь начинающим литераторам. Посылая туда свои опыты, молодые авторы найдут там внимательную оценку этих опытов и доброжелательную критику их.

Привет и сердечно желаю вам успехов.

М. Горький»

У меня, как одна из самых ценных реликвий, хранится письмо Алексея Максимовича Горького, которое до сих пор еще нигде не было опубликовано. Перечитывая его строки, я вспоминаю ноябрьский вечер 1929 года, когда на заседании нашего литературного кружка мы избрали почетным членом А. М. Горького. Это было на московской обувной фабрике «Парижская Коммуна». Выписку из протокола и письмо, составленное сообща, мы послали писателю в Италию, в Сорренто, где он в то время жил.

А вскоре из далекого Сорренто пришел ответ.

С той поры и хранится у меня письмо великого писателя.

Д. СЕМЕНОВ,
бывший рабочий фабрики «Парижская Коммуна»

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...

Под солнцем и парапет становится читальней...

Фото читателя Л. Жданова

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЗАБЫТОЕ НАСЛЕДИЕ

СКОЛЬКО препятствий встречается на пути энтузиастов, отыскивающих старинные рукописи! Попробуйте, разберитесь в полуистлевших списках, часто не имеющих ни начала, ни конца, проникните в содержимое пыльных сундуков с рукописями, покопайтесь в развалинах медресе в надежде отыскать неведомый шедевр Махтумкули или лучший вариант эпоса «Кероглы»! Все это так... Но сейчас речь пойдет не о далеком прошлом, не о древних манускриптах времен последних Саманидов, а о наследии советских писателей Туркмении.

На войне и во время ашхабадского землетрясения мы потеряли многих наших литераторов. Ушли от нас А. Адамышев, Н. Сарыханов, Ата Каушутов, Ата Ниязов, Х. Исманлов и другие. А ведь и на их долю выпало заложить первые кирпичи в фундамент здания новой туркменской литературы...

Институт языка и литературы Академии наук республики давно начал изучать наследие современных прозаиков и поэтов, но, скажем прямо, пока это делается робко и результаты не очень впечатляющие.

В недрах ученого ведомства вам могут показать готовые диссертации, труды молодых ученых, статьи о языке, о стиле, о взаимовлиянии литератур братских народов. Материалы по своему замыслу и содержанию ценные, жизненные, но какова их судьба? Пока что они — содержимое сейфов, и неизвестно, когда наши издательства сделают лучшие из них достоянием читателя.

До сих пор нам не довелось прочитать сколько-нибудь полной биографии виднейших наших писателей, хотя в этом так нуждаются учителя, преподаватели вузов, студенты, работники библиотек и все, кому дорога литература.

Да разве только в биографии дело? Посмертная публикация произведений наших старших современников имеет подчас случайный характер, немало интересного, поучительного упускается. При подготовке трехтомника А. Каушутова даже не ставился вопрос о включении в издание многих его, заслуживающих внимания произведений. В последний однотомник Х. Исманлова также вошло далеко не все. Там нет, например, талантливой сатиры, печатавшейся в периодической печати. Один из лучших рассказов Н. Сарыханова «Шукур-бахши» появился в печати благодаря чистой случайности, а единственная в туркменской довоенной прозе антифашистская повесть «К свету», так же как многие ранние рассказы писателя, осталась вне поля зрения исследователей, а следовательно, и читателей.

Сбор и хранение рукописей также ведутся беспорядочно. Рукописи находятся в Академии наук Туркменской ССР, в Союзе писателей в республиканском и частных архивах (кстати, к последним не проявляется должного интереса). Основное хранилище Академии наук республики располагает многими уникальными материалами, но к большинству из них ничья рука еще не прикасалась.

Решение этих проблем затягивать нельзя. Уже сегодня следует привлечь к ним самое пристальное внимание руководства Академии наук, издательства и Союза писателей Туркмении.

К. КУРБАННЕПЕСОВ, Б. ПУРЛИЕВ, Д. ХАЛДУРДЫ, А. АБОРСКИЙ.

АШХАБАД

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...

Солнце растопило мороженое и, блеснув в кривом зеркале, окончательно испортило настроение милой девушке. Право же, нельзя так жестоко шутить!

Фото читателя А. Антропова

НЕ ВЕРЬТЕ ПТЮХИНЫМ!

ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ПИСЬМА

ПРИШЛО письмо из села Холщебинки Бологовского района, Калининской области. Рабочий вагонного депо станции Бологое Николай Птюхин писал о том, что местные «горе-руководители», эти «люди вчерашнего дня, ревизионисты и консерваторы, отгородились от масс народных своим чиновничеством и бюрократизмом», что его, рабочего, проживающего постоянно на селе, правление колхоза притесняет, тем самым «разжигает классовую вражду между колхозниками и рабочими». Жаловаться, по его убеждению, бесполезно, потому что, куда бы он ни обращался со своими сигналами, все жалобы возвращаются в Бологовский горком партии, а тот неизменно отвечает: «Факты не подтвердились».

Писал он мне как автору книжки «Общественность и укрепление законности», выпущенной Госполитиздатом. Указывал, что автор книги говорит о том, как партийные организации укрепляют социалистическую законность, а вот в Бологовском районе, наоборот, партийные организации поощряют беззаконие.

Что ж, Птюхин поднял вопрос весьма серьезный. Узнав, что с аналогичной жалобой он обращался и в «Литературную газету», я по заданию редакции выехал на место.

В Бологовском горкоме партии меня встретили без особого удивления.

— По письму Птюхина? Ну что ж, познакомьтесь с этим человеком. Мы в апреле специально созывали заседание бюро горкома. Пригласили Птюхина, чтобы совместно разобраться в его жалобах. Члены бюро горкома и представители парторганизации вагонного депо в течение трех часов убеждали Птюхина, что он неправ. И, как видите, не убедили: жалуется... Поскольку вы приехали, пожалуйста, проверяйте. Если мы неправы, обсудим результаты вашей проверки...

В село Холщебинку по моей просьбе поехали заведующий орготделом горкома партии тов. Семенов, секретарь партбюро вагонного депо тов. Никифоров. По дороге, в селе Сельгино, к нам присоединились председатель колхоза имени Чапаева тов. Крылов и секретарь колхозной партийной организации тов. Прокопьев. Приходим к Птюхину.

— Папа на огороде, — сообщила нам через запертую дверь девочка-школьница.

На огороде? Странно, ведь Птюхин писал, что «приусадебный участок у него отрезают».

Идем во двор. Ничего подобного. Участок (и немалый — пятнадцать соток!) добротно обработан.

А вот и сам хозяин. Рослый мужчина лет сорока пяти, широкоплечий, с хорошим загаром. Представляюсь. Остальных он и сам знает.

— Приехали, Николай Васильевич, по вашему письму...

Мы долго беседовали с Птюхиным. Ни один из указанных им фактов не подтвердился. Он, например, жаловался на то, что правление колхоза имени Чапаева всячески ущемляет его: не дает выпаса для козы, отключило свет и радио, требует участия в колхозных работах.

В выпасе для козы Птюхину никто не отказывал. Но ему предложили, как и всем колхозникам, помочь огородить пастбище. Птюхин отказался принять в этом участие.

Больше года он не платил колхозу за пользование электроэнергией и радио: «Почему это с меня берут по шесть рублей за сто ватт, а с колхозников по четыре?» Правление колхоза предоставляет членам колхоза ряд льгот, Птюхину же, палец о палец не ударившему для того, чтобы помочь в колхозной работе, претендовать на эти льготы просто неприлично. Но какое до всего этого дело Птюхину: «Я занят на производстве и работать в колхозе не обязан!»

Кстати, на производстве он занят далеко не каждый день и при желании без особых усилий мог бы выработать в год хотя бы 50—60 трудодней. Больше от него и не требуют. Но коммунист Птюхин коллективному труду в поле предпочитает копание в собственном огороде, а когда ему говорят об этом, он жалуется на все и всех.

В своей жалобе Птюхин пишет: учительница начальной школы не пустила его ребят на занятия с 27 апреля по 4 мая, потому что он не уплатил так называемый топливный взнос.

Оказывается, дело было так. Общее собрание родителей приняло решение обеспечить школу дровами. Сельский Совет уплатил за заготовку леса, но его надо было распилить. Специальных рабочих в колхозе нет. Вот и решили, чтобы каждая семья распилила по четыре кубометра дров, причем не бесплатно: за каждый кубометр школа платит пять рублей. Птюхин отказался выполнить решение собрания родителей. Тогда учительница предложила ему внести двадцать рублей, которые будут выплачены тому, кто за него распилит дрова. Он и это сделать отказался.

А в школьном дневнике ученика третьего класса Саши Птюхина действительно с 27 апреля по 4 мая учебные задания не записаны.

— Саша, почему у тебя в дневнике нет записей?

— Я в школу не ходил.

— Кто тебе запретил ходить в школу? Учительница?

— Нет.

— Кто же?

Трудное молчание, потом мальчик, опасливо поглядывая на отца, выдавливает из себя:

— Папа...

«Правдоискатель» Птюхин возмущается тем, что председатель колхоза строит себе дом, что для колхоза куплена автомашина. Все так — и дом председатель строит, и автомашина в колхозе есть. А почему бы председателю-тридцатитысячнику, решившему обосноваться в селе, не построить себе дом? Строит он на свои средства и на ссуду, полученную в банке.

И автомашина приобретена правлением совсем не зря. Колхоз укрупненный, бригада от бригады отстоит на 20 километров, пешком всюду поспеть невозможно, особенно в страдную пору.

Так один за другим отпали все «аргументы» и «выводы» Птюхина, и перед нами предстал человек с самой обычной обывательской психологией: все — для меня, все — мне. Для него законно только то, чем он хочет пользоваться в колхозе, а все, что колхоз желает получить от него, — беззаконие. И ходит такой мнимый правдоискатель, наводит тень на ясный день. Конечно, никакого антагонизма между рабочими и колхозниками в Холщебинке не оказалось. Мы обнаружили обывателя, вступившего в конфликт с односельчанами из-за сугубо личных, эгоистических интересов.

Кстати, и на производстве у Птюхина нелестная слава «индивидуала», «единоличника». Осмотрщик вагонов, он должен действовать сообща со своей бригадой. А Птюхин держится особняком, никогда не поможет в общем труде. Не безупречен он и по работе: по его вине в прошлом году было пять случаев отцепок вагонов в пути.

К партийным обязанностям Птюхин тоже относится нерадиво. Партийные собрания, занятия в сети партийного просвещения не посещает, отговариваясь, что спешит домой, а добираться далеко.

Так и живет Птюхин: «сельский житель» на производстве, «городской рабочий» в деревне, а по существу мещанин и обыватель — только для себя.

Итак, при ближайшем рассмотрении жалоба Птюхина лопнула, как мыльный пузырь. Стоит ли после этого писать о нем, задумались мы. Стоит, потому что не один он отнимает драгоценное время десятков людей для разбора подобных жалоб, чтобы в результате обнаружить бурно расцветающий сорняк. Таким «правдоискателям» надо давать резкий отпор. Не надо поощрять Птюхиных!

Т. ЛИЛЬИН

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-58-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б 021143